

НАСЛЕДИЕ ПРЕДТЕЧ

Том 1 Провал

18+

Роман Воскресенский

Роман Воскресенский

Наследие предтеч Том1 Провал

«Автор»

2026

Воскресенский Р.

Наследие предтеч Том1 Провал / Р. Воскресенский — «Автор», 2026

Полковник СВР в отставке. Одиночная экспедиция в горы Северного Урала — последний способ почувствовать себя живым. Обрыв страховки. Падение в шахту, которой не существует на картах. Голос из темноты: «Добро пожаловать, Носитель». Под тремя километрами уральского камня — база древней цивилизации, покинувшей физическую форму сорок семь тысяч лет назад. Их искусственный разум ждал восемьсот лет. Теперь у него есть Носитель — и цель. Пока Громов осваивает технологии, недоступные человеческому пониманию, геолог Марина Соколова идёт по следу пропавшего спелеолога — и находит куда больше, чем искала. А где-то за пределами Солнечной системы враг, считавший базу уничтоженной, получает первый сигнал о том, что ошибался. Первая книга остросюжетного цикла про наследие, которое нельзя разделить, и войну, которая уже началась — просто ещё не все об этом знают.

© Воскресенский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Провал начинается с карты.	5
Глава 2. Дыхание горы	10
Глава 3. Шахта	15
Глава 4. Решение за 0,003 секунды	20
Глава 5. Три дня	25
Глава 6. Архон	30
Глава 7. Инвентаризация	36
Глава 8. Поиски	41
Глава 9. Первый урок	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Воскресенский

Наследие предтеч Том1 Провал

Глава 1. Провал начинается с карты.

Рюкзак лежал на полу екатеринбургской квартиры. Как труп, раскинутый, выпотрошенный, ждущий, когда его соберут заново. Громов сидел на корточках рядом с ним и методично раскладывал снаряжение. Слева верёвки и карабины, справа - техника, в центре - то, что решится в последнюю очередь.

Он взял моток восьмимиллиметровой верёвки, взвесил в руке, отложил обратно. Пятьдесят метров - мало. Взял другой, семидесятиметровый. Годы работы в разведке приучили: бери с запасом там, где ошибка стоит жизни, и экономь там, где она стоит только денег. Пещера не прощала ни того, ни другого просчёта, но хотя бы не стреляла в ответ.

Квартира была съёмной, безликой — три комнаты, минимум мебели, ничего, что нельзя бросить за час. Профессиональная деформация. Даже выйдя в отставку, Громов не смог заставить себя обрасти барахлом. На стене — только карта Северного Урала, испещрённая пометками, которые понимал только он сам.

Кухня пустовала — ни магнитов на холодильнике, ни фотографий, ни следов чужого присутствия. Единственным украшением служил старый армейский компас на подоконнике, подаренный инструктором ещё в училище, задолго до всех последующих командировок. Компас давно барахлил - стрелка чуть дрожала на севере. Громов не выбрасывал его по одной причине - вещь была дорога ему как память и напоминала о том, что ничто не бывает вечным.

Он поднялся, подошел к окну. Во дворе обычная картина спального района, ничем не примечательная - соседский мальчишка гоняет мяч в одиночестве. Мимоходом Громов невольно отметил три выхода со двора, двух человек, кутивших у подъезда напротив. Поймав себя на этой мысли он усмехнулся, коротко и невесело. Профессиональная паранойя вместе с удостоверением не уходила в отставку. Она просто меняла адрес.

Телефон на подоконнике засветился беззвучно, сообщение от врача, напоминающем о плановом осмотре позвоночника. Громов посмотрел на экран, и, не найдя для себя ничего нового, вернулся к рюкзаку. Спина не болела. Спина вообще ничего не делала такого, за что можно было бы её упрекнуть - срослась, зажила, как учили в госпитале, в пределах ожидаемого для такой травмы. В пределах ожидаемого означало - с металлом внутри, с ограничением на нагрузку, с пожизненной инвалидностью третьей группы и ежегодной комиссией, которая методично напоминала о том дне в Сирии.

Он не любил вспоминать. Но тело помнило за него ,в дождь, при резком повороте, при попытке поднять что-то тяжелее положенного. Память прочно сидела не в голове - позвонках, и от этого было не спрятаться никакими усилиями воли.

За три года после отставки Громов перепробовал всё, что полагается пробовать бывшему офицеру, которому вежливо указали на дверь - консультирование для частных охранных структур, скучно и мелко после реальной работы. Предложение от старого сослуживца заняться корпоративной разведкой - слишком похоже на прежнюю жизнь, только без прикрытия государства за спиной, недолгую попытку преподавать тактику выживания на коммерческих курсах для менеджеров, желающих почувствовать себя героями на выходных. Ни одно занятие не продержалось дольше нескольких месяцев. Не потому, что не получалось - получалось как раз хорошо, слишком хорошо для того интереса, который он к этому испытывал.

Проблема была не в компетенции. Проблема была в том, что пятнадцать лет его жизнь имела структуру — задачу, риск, результат, — а гражданская жизнь предлагала взамен только досуг, и в этом досуге не было ничего, что заполняло бы пустоту на месте прежнего смысла.

Сирия. Три года назад.....

Пыль забивала горло даже сквозь маску. Группа шла вторые сутки без связи, конспиративная встреча сорвалась, резервный канал молчал, от плана осталась только его половина, самая опасная. Громов вёл двоих через сухое русло, туда, где по всем расчётам их не должны были ждать.

Жара стояла такая, что воздух над камнями воздух дрожал видимым маревом, а вода во флягах пахла металлом и хлоркой. Младший, необстрелянный боец в группе, двадцатипятилетний связист по позывному Кедр, держался хорошо для первого выхода, не паниковал, экономил силы, слушал старших без пререканий. Громов помнил, как минуту назад отдал ему последний глоток из своей фляги под предлогом, что у него самого ещё есть, хотя фляга была пуста...

Их ждали...

Засада ударила из-за гребня, откуда, по всем разведанным, простреливаемого сектора не существовало. Кто-то не учёл рельеф, возможно рельеф изменился со времён последней съёмки, на войне разница между двумя объяснениями никого не интересовала, потому что результат один.

Первая пуля прошла по касательной, обожгла плечо, отбросила к стене. Громов успел толкнуть Кедр за выступ скалы, и понял, что вторая пуля уже в полёте. Вторая пуля попала в позвоночник, когда он уже падал, прикрывая младшего по группе собственным корпусом. Рефлекс, вбитый глубже чем инстинкт самосохранения, глубже, чем страх, и быстрее, чем принятие самостоятельных решений. Пятнадцать лет тренировок свелись к одному движению корпуса за долю секунды, и это движение спасло чужую жизнь ценой того, что от его собственной спины остались клочки рваной кожи.

Дальше была темнота с рваными краями - обрывки звуков, чей-то крик, вкус крови и пыли одновременно. Ощущение, что тело больше не подчиняется никаким командам. Вертолёт, который прилетел на семнадцать минут позже расчётного времени. Семнадцать минут, которые он не должен был пережить, но пережил. Пережил, потому что Кедр, вопреки всем инструкциям, тащил его волоком через простреливаемый участок вместо того, чтобы ждать эвакуации в укрытии. Потом госпиталь, капельницы, врач с усталым лицом, который сказал, что он будет ходить. Пока неопределенно - может быть через год, может быть, с тростью. Он ходил без трости. Через одиннадцать месяцев, после которых от позвоночника осталась конструкция из титана и упрямота. Врачи в реабилитационном центре называли это чудом воли пациента, кто-то везением, кто-то доказательством, что человеческое тело способно на большее, чем говорит статистика. Единственное, что Громов мог делать хорошо - не сдаваться там, где сдаться было бы разумнее и проще.

Настоящее время.

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминания прошлого, и вернулся к списку снаряжения. Принято решение комиссовать его по результатам комиссии, из-за спины, но на самом деле избавлялась от офицера, который слишком много знал и слишком мало годился для кабинетной работы. Пенсия, благодарность за службу, вежливая рекомендация «найти себя на гражданке».

Найти себя. Как будто себя можно найти, как потерянный ключ под ковром.....

Спелеология оказалась случайностью — знакомый геолог позвал в пещеру ещё до ранения, для разрядки после очередной командировки, и что-то в этом зацепило крепче, чем должно было. Темнота под землёй была честной. Она не притворялась дружественной и не скрывала намерений, в отличие от людей, с которыми Громов работал полтора десятилетия.

Пещера либо пускала тебя, либо нет — и это правило нельзя было обмануть красноречием или деньгами.

После отставки спелеология стала не хобби, а единственной формой жизни, которая ощущалась настоящей. В темноте под землёй тело работало на пределе, разум считал метры верёвки и кубометры воздуха, а не разбирало по костям собственную никчёмность в мире, где ты больше никому не нужен в прежнем качестве.

Он выучил физику и геологию по учебникам и статьям — самостоятельно, без диплома, потому что диплом был не нужен, а понимание того, как устроена порода вокруг, отвечало за жизнь так же прямо, как знание маршрута отхода когда-то отвечало за жизнь в поле. Заодно втянулся в астрофизику - случайно, через научно-популярные лекции, которые смотрел бессонными ночами, когда спина не давала уснуть. Там была та же логика, что и в геологии: система законов, которые нельзя обмануть, нельзя перекупить, нельзя обойти связями. Громов ценил именно эту неподкупность мира без людей - камня, звёзд, силы тяжести. С ними, в отличие от людей, всегда было понятно, чего ожидать. Личная жизнь после отставки не сложилась, не по недостатку внимания со стороны женщин, а по недостатку интереса с его собственной стороны. Несколько попыток завести отношения угасли сами собой, потому что Громов ловил себя на том, что оценивает партнёров по критериям, применимым скорее к агентам прикрытия, чем к спутницам жизни - надёжность, предсказуемость, отсутствие лишних вопросов. Ни одна не выдержала такой мерки дольше нескольких месяцев, да и сам он это прекрасно понимал и не обманывался на свой счёт. Тридцать пять лет, холост, и, по собственному наблюдению, скорее обречён оставаться таким.

Громов встал, размял плечо — привычная проверка, машинальная, без нужды — и подошёл к столу, где лежала карта.

Северный Урал, квадрат, который он присматривал полгода. Карстовая система, изученная от силы на треть, поэтому большинство серьёзных спелеогрупп обходили район стороной. До места трудно добраться из-за логистики - вертолёт дорого, пешком долго, а результат непредсказуем. Именно поэтому Громов туда и шёл. Не за результатом. За тишиной, в которой можно было временно перестать быть бывшим полковником и стать просто человеком. Он развернул на столе распечатку — свежие данные региональной геологической службы, к которым получил доступ через старого знакомого. Обычная метеосводка для района плюс замеры микроклимата в системе входов, зафиксированных прошлой экспедицией три года назад.

Что-то в цифрах не билось.

Громов вгляделся внимательнее. Температура на глубине двухсот метров держалась на градус выше расчётной нормы для данной широты и высоты — небольшое отклонение, которое любой другой списал бы на погрешность приборов.

Но рядом шли данные по влажности и составу воздуха, и там отклонение повторялось с той же регулярностью, с какой не повторяются случайные ошибки замеров.

Он пододвинул ноутбук, открыл таблицу с историческими замерами за последние пять лет. Доступ к данным он выбил не совсем законным путём - через знакомого в институте, но об этом старался не думать, главное - результат. Отклонение держалось стабильно все пять лет, без сезонных колебаний, которые логично было бы ожидать при естественных причинах - подземные воды реагируют на паводок, вулканическая активность имеет циклы, а эта аномалия вела себя иначе, ровно, предсказуемо, почти механически.

Механически. Что то не давало покоя его памяти. Естественные процессы протекают скачками, постоянно меняются данные температуры то в одну, то в другую сторону. Здесь происходило что-то непонятное. Природная аномалия, ошибки в расчетах?

Громов перепроверил себя. Разложив данные по годам в отдельные графики (привычка аналитика не доверять первому впечатлению), даже собственному. Разброс на протяжении

пяти лет не превышал десятой доли градуса. Невероятно в известных пределах геологических данных для этого региона.

Он достал бумажный блокнот, привычка, которую не перечеркнуть годами, и начал высчитывать зону аномалии. Зона оказалась небольшой - примерно триста на четыреста метров. Глубина, до которой еще не добралась ни одна зарегистрированная экспедиция.

Разведчик в нём проснулся раньше, чем спелеолог. Аномальный тепловой фон на такой глубине означал одно из трёх: подземный водоём с иной температурой, вулканическую активность, немыслимую для этого геологического пояса, либо источник тепла, который в природе там оказаться не должен.

Первые два варианта Урал исключал по геологии — регион давно стабилен, никакой вулканики в радиусе тысячи километров. Оставался третий, и он не давал внятного объяснения.

Громов пролистал архив зарегистрированных маршрутов, открытый реестр, который вёл региональный спелеоклуб, и закрытую базу, доступ к которой у него сохранился ещё с оперативных времён. Ни один маршрут не подходил к точке ближе чем на полтора километра.

Вход был известен, на снимках его отмечали, но дальше начинался узкий обвальный лаз. Серьёзные группы обходили как технически неоправданный - риск не окупал результата, глубина ничего интересного не обещала.

«Ничего интересного» — стандартная формулировка тех, кто оценивает риск и выгоду. Громов пятнадцать лет жизни провёл именно там, где официальная оценка риска и выгоды расходилась с реальностью. Именно в таких местах прятали то, что не хотели находить.

Он отложил блокнот и сверил систему координат.

Была и другая причина туда не соваться — привычка, а не расчёт. За пятнадцать лет разведки Громов усвоил простое правило: чем интереснее находка, тем меньше людей должны знать маршрут заранее. Экспедиции с сопровождением оставляли следы — фотографии в соц-сетях, посты в форумах, заявки в МЧС с точными координатами. Одиночный выход не оставлял ничего, кроме записки на холодильнике «ушёл в горы, вернусь через две недели», да и ту он обычно не писал.

Знакомые спелеологи давно перестали звать его в команду — Громов слишком часто отказывался, слишком мало объяснял почему, и в итоге за ним закрепилась репутация одиночки, которому нельзя доверить компанию. Его это устраивало. Раскрывать маршрут значило раскрывать находку, а находку он хотел оценить сам, до того как это сделает кто-то ещё.

Он потянулся к телефону — набрать МЧС региона, зарегистрировать маршрут для формальности, как требовали правила безопасности, — и замер с пальцем над экраном.

Формальная регистрация означала точку на карте, доступную любому запросу. Он набрал общий район, не называя точных координат аномалии, отправил заявку, отключил телефон и убрал его на дно рюкзака.

Снаряжение было собрано - веревки, карабины, генератор, дорожная аптечка, все то, что ему было необходимо для вылазки в горы. Квартира больше напоминала перевалочный пункт, но он давно не обращал на это внимание. Громов в последний раз сверился с картой, обвёл карандашом точку аномалии и хотел уже сложить лист, когда взгляд зацепился за деталь, которую он раньше пропустил.

Рядом с отметкой аномалии, чуть выше по разрезу, на архивном скане обнажения тридцатилетней давности, той самой геологической съёмки, откуда бралась основа для современных карт, была едва различимая пометка старого топографа, полустёртая, почти нечитаемая - не наносить на публичную карту.

Три слова, написанные на выцветшем от времени листе обычной шариковой ручкой.

Громов перечитал слова, написанные в пометке и в первые за долгое время почувствовал себя нужным, и маленький огонек в его душе, который почти потух, начал разгораться, пока еще не сильным, но теплым пламенем.

Он придвинул лампу ближе, разглядывая скан во всех деталях, какие позволяло разрешение файла. Пометка была сделана поспешно, обычной шариковой ручкой, характерным нажимом человека, который не ожидал, что кто-то когда-либо станет это перечитывать.

Громов разобрал только два слова, аномальный объект, и дальше нечитаемое пятно, где чернила расплылись от старой влаги.

Он проверил дату съёмки — тысяча девятьсот девяносто третий год. Время, когда государственные институты закрывались один за другим, многие архивы были утеряны, а полевые данные экспедиций попадали в общий фонд без должной фильтрации, потому что фильтровать было уже некому. Судя по всему, именно в эту щель и провалилась запись, которую тридцать лет назад кто-то намеренно решил спрятать от посторонних глаз — а система, призванная это скрывать, просто перестала существовать раньше, чем успела скрыть всё до конца.

Кто-то тридцать лет назад решил, что эту точку не должен видеть никто, кроме тех, кому положено. И теперь, спустя тридцать лет, эта запись случайно попала в архив, который открыли для оцифровки, а из оцифровки — в закрытую базу, к которой у Громова остался доступ по старой памяти, о котором никто наверху, скорее всего, уже и не помнил.

Разведчик в нём быстро прогнал очевидные версии. Военный полигон — исключено, зона никогда не значилась в реестрах Минобороны, а закрытые военные объекты Громов знал наперечёт ещё по прежней службе. Секретное геологоразведочное месторождение — возможно, но тогда пометка звучала бы иначе, суше, канцелярским языком грифов, а не тревожным «не наносить». Слово «аномальный» рядом с ней говорило о другом — о находке, которую сам топограф не смог классифицировать по привычным категориям.

Он не знал ещё, что там, внизу, на глубине двухсот метров под нехоженым квадратом Северного Урала.

И впервые за три года после отставки Громов почувствовал что-то похожее на цель, то самое ощущение, то самое ощущение, которое позволяло все ярче разгораться маленькому огоньку его цели.

Он сложил карту, убрал в непромокаемый тубус, приторочил к рюкзаку и погасил свет в квартире. Через двенадцать часов начинался путь к горам, на восток, которые хранили секрет тридцатилетней давности.

Секрет, который он должен узнать первым.

Глава 2. Дыхание горы

Лес кончился на высоте около семисот метров, уступив место курумнику — полю из серых валунов, наваленных друг на друга так, будто какой-то великан рассыпал здесь строительный мусор и забыл убрать. Громов шёл по нему уже третий час, и тело держало ритм, выработанный за пятнадцать лет ходьбы по местности, которая не прощает ошибок.

Он читал землю так же, как когда-то читал оперативную обстановку. Каждый камень оценивался за долю секунды... - устойчив или качается, сухой или скользкий после утренней росы, даёт ли опору под нагрузкой рюкзака. Взгляд скользил на три шага вперёд, автоматически прокладывая маршрут между валунами, минуя те, что казались подозрительно ровно уложенными - верный признак пустоты под ними... Спина почти не болела, она отзывалась глухой тяжестью на каждом резком движении, за три года он привык к постоянному, тянущему неудобству, своевременно требующего остановки. Пока сигнала не было.

Рюкзак весом в двадцать восемь килограммов давил на плечи неравномерно — титановые вставки в разгрузочной системе брали часть нагрузки на бёдра, но с каждым часом переносили её обратно на позвоночник, туда, где раньше не было металла. Громов давно перестал считать это неудобством. Это было просто ценой — фиксированной, известной заранее, а известная цена всегда выгоднее неизвестной.

Северный Урал в конце августа был двуличен. Внизу, в долинах, ещё держалось лето — жёлтая трава, комары, тёплые вечера. Здесь, на границе леса и гольцов, воздух менял характер каждые сто метров подъёма - то парная духота распадка, то внезапный ледяной сквозняк с перевала, будто гора дышала неровно..., через раз... Лишайник на камнях менял цвет от серо-зелёного к почти чёрному там, где на скалы попадала тень... Громов машинально отмечал эти переходы... Эта привычка выработалась у него за годы работы, правильное понимание ситуации помогало вылезти из множества опасных ситуаций. Громов остановился у гряды скал, снял рюкзак на пять минут... — не потому, что нуждался в отдыхе, а потому что разведка местности требовала времени, а не спешки... Отсюда, с высоты, открывался вид на проталину, ведущей к его к нужному квадрату - трём безымянным лощинам, сходящимся у подножия скального массива, который на картах обозначался никак не обозначался... Он достал бинокль, привычно прошёлся по горизонту слева направо, запоминая места, где природа создала естественные укрытия... Многолетняя привычка - сначала пойми, кто может тебя видеть, потом иди.

Никого... Ни дымка костра, ни блеска металла, ни следа человеческого присутствия в радиусе обзора... Хорошо... Тишина такого рода нравилась Громову больше, чем любая компания...

Воздух был другим и пахло по другому - камнем, мхом, ледяной водой из невидимых ручьёв под курумником...

Где-то далеко внизу треснула ветка — вероятно, олень или росомаха, — и Громов машинально отметил направление звука, хотя опасности в этом уже не было пятнадцать лет. Профессиональные рефлексy не спрашивали разрешения работать. Он присел на плоский камень... Достал термос... Сделал несколько глотков крепкого чая и позволил себе редкую роскошь — просто смотреть.

Отсюда, с высоты, Урал разворачивался слоями... Ближний план показывал острые серые зубья курумника, на среднем виднелась тёмно-зелёная щетина тайги, спускающаяся в долины, в дали узнавалась сизая дымка горизонта, где горы растворялись в небе без видимой границы... Громов не был поэтом, ему было сложно описать раскинувшуюся красоту безмятежной природы, но что-то в этом безлюдном масштабе давало ощущение, которого он не находил больше нигде, ощущение, что мир существует независимо от того, нужен ты ему или нет, и в этом была честность, которой так не хватало среди людей...

Он поднял рюкзак, поправил лямки и двинулся дальше, забирая западнее, туда, где по карте начинался подход к его безымянной точке. Курумник постепенно сменился разреженным березовым криволесьем, искорёженным ветрами до самой земли, а затем — открытым скальным гребнем, откуда открывался прямой вид на цель.

За семнадцать километров от места, где находился Громов, в распадке у реки Вижай, лагерь геологической экспедиции просыпался к утренней сваре — привычной, как утренний кофе, только куда более громкой.

— Мы не пойдём через северный кулуар, Виктор Палыч, — сказала Марина Соколова, не поднимая головы от карты, разложенной на раскладном столе. — Там осыпь после весеннего паводка. Я смотрела спутниковые снимки на прошлой неделе, склон сместился минимум на полметра.

Виктор Палыч Ковригин, научный руководитель экспедиции и человек, привыкший, что аспиранты слушают, а не спорят, скрестил руки на груди с видом человека, для которого этот разговор уже закончен пять минут назад.

— Соколова, у нас план на три точки за два дня. Через южный обход мы теряем целый день пути. Институт оплачивает вертолёт до пятницы, не позже.

— Институт может оплачивать что угодно, но склон от этого не перестанет ползти. — Марина наконец подняла взгляд, и в серых глазах с зелёным ободком не было ни капли почтения к званию собеседника, только сухое раздражение человека, вынужденного объяснять очевидное. — Я не говорю, что план плохой. Я говорю, что план не учитывает то, что случилось на этом склоне за последние четыре месяца. Данные устарели, и вы это знаете не хуже меня.

— Данные устарели, — повторил Ковригин с той характерной интонацией, которую взрослые прибегают для младших, слишком уверенных в себе. — Соколова, я хожу этим маршрутом пятнадцать лет.

— И пятнадцать лет назад склон был другим. — Марина не повышала голоса, что почему-то раздражало собеседника сильнее, чем если бы она кричала. — Я не прошу отменить экспедицию, Виктор Палыч. Я прошу два часа на разведку южного варианта, прежде чем мы поведём группу под потенциальный обвал ради того, чтобы успеть на вертолёт.

Вокруг стола собралось ещё трое студентов-практикантов, деликатно делавших вид, что заняты своим снаряжением, а не наблюдают за перепалкой с интересом зрителей теннисного матча. Один из них, долговязый третьекурсник по фамилии Стеблов, тихо шепнул соседке — ставлю банку тушёнки, что Соколова выиграет, и получил в ответ такой же тихий смешок согласия, за два года практики никто из младших ещё не видел, чтобы Марина уступала в споре, где на кону стояли цифры, а не мнения.

Ковригин обвёл практикантов взглядом, ища поддержки, и не нашёл — молодёжь предпочитала не выбирать сторону при начальстве, но и переубеждать Соколову никто не спешил, потому что за два года практики все успели усвоить: если Марина упёрлась в цифры, спорить бесполезно, проще проверить.

— Хорошо, сказал он наконец. Два часа. Но если южный вариант не короче на карте, чем на бумаге, идём по плану.

— Договорились. Марина уже сворачивала карту, готовясь к нужной проверке. Она не хотела рисковать, это не входило в её планы. Упрямство, которое коллеги за глаза называли одержимостью, было для неё простой вещью, если цифры не сходятся, их нужно проверить, а не подстроить реальность под расписание вертолёта...

Она закинула рюкзак с оборудованием на плечо и пошла к южному распадку, не оглядываясь, слушают её или нет. Мозоли на руках от карабинов и верёвок напоминали о десятках подобных споров за последние три года аспирантуры, ни один из споров не научил её молчать, когда молчание стоило кому-то жизни или здоровья...

Тропа к южному распадку шла вдоль каменистого русла пересохшего ручья, Марина, шагая первой, машинально сверяла рельеф с картой в голове. Через двадцать минут ходьбы она остановилась у расщелины в скале, не той, что искала, — случайной, безымянной, — и присела на корточки, разглядывая едва заметное движение воздуха у самого её основания.

— Здесь дует, — сказала она вслух, скорее себе, чем подошедшему следом Стеблову.

— Ну, пещера, дышит, обычное дело, — пожал он плечами, поправляя лямку рюкзака.

— Обычное дело — это когда дует от перепада давления снаружи, и дует неровно. Марина достала анемометр, подержала у входа несколько секунд, нахмурилась, убрала прибор обратно в чехол. Ладно, собираемся, надо к точке успеть.

Она встала, отряхнула колени и пошла дальше, но уже сделала в блокноте короткую пометку карандашом - координаты, дата, три слова - проверить, странный поток. Привычка не оставлять необъяснённое необъяснённым была в ней такой же врождённой, как упрямство, и она сама толком не понимала, где заканчивается одно и начинается другое...

К шести вечера Громов вышел к цели.

Вход в систему обнаружился не сразу — щель в скальном массиве, полтора метра шириной у основания, сужающаяся кверху почти до незаметности, заросшая по краям карликовой берёзой и мхом настолько плотно, что случайный турист прошёл бы мимо в десяти метрах, не заметив ничего, кроме обычной трещины в породе. Но Громов не был случайным туристом. Он сверился с координатами три раза, отметил характерный изгиб скалы - изгиб полностью соответствовал старой топографической карте, и понял - вот оно.

Он обошёл вход по периметру, держась на расстоянии пяти-семи метров, — привычка осматривать объект снаружи целиком, прежде чем приближаться вплотную, осталась с тех лет, когда неосмотренный периметр означал растяжку или снайпера. Здесь не было ни того, ни другого, но ритуал сам по себе успокаивал, возвращал ощущение контроля над обстановкой. Скала вокруг щели была чистой, не было следов кострищ или человеческого присутствия, только характерные натёки минералов вокруг выхода - свидетельство многовекового движения воды и воздуха через систему...

Он не спешил входить. Годы оперативной работы вбили простое правило - никогда не заходить в неизвестное пространство на исходе дня, усталость может притупить реакцию, а потемнеет быстрее, чем внутри успеваешь освоиться...Пещера подождёт до утра...Она ждала тридцать лет — подождёт ещё двенадцать часов.

Громов выбрал площадку для лагеря в двадцати метрах от входа, на скальном карнизе, защищённом от ветра нависающим козырьком породы. Безупречное место - местность как на ладони, укрытие от осадков, единственный путь наверх просматривается целиком.

Он поставил палатку методично, без лишних движений - растяжки натянуты симметрично, вход развёрнут в сторону, откуда легче всего заметить приближение, разжёг компактную горелку, вскипятил воду для каши, разложил рядом снаряжение для завтрашнего спуска - обвязку, спусковое устройство, три источника света с независимым питанием на случай отказа основного... И всё это время не покидало ощущение, знакомым по прежней работе, ощущение, что обстановка не совсем та, за которую себя выдаёт...

Он понял, что именно, только когда сел ужинать спиной к скале, лицом к расщелине.

Воздух из входа двигался. Не сквозняком, не случайным перепадом давления между полостями, а ритмично: вдох и выдох с интервалом примерно в двенадцать секунд - тёплый на выдохе, намного прохладнее на вдохе. Громов поднёс ладонь ближе - не вставая с места, и почувствовал это отчётливо - поток менял направление с методичностью, для которой не находилось естественного объяснения?

Пещеры дышат — это знал любой спелеолог с опытом. Перепады атмосферного давления снаружи создают ток воздуха через систему полостей, иногда ощутимый, иногда почти неза-

метный. Но естественное дыхание пещеры зависит от погоды, от разницы температур снаружи и внутри, от площади входов — оно нерегулярно, оно откликается на внешние условия, а не работает по расписанию.

Этот ритм не откликался ни на что. Громов засёк время по часам и досчитал до пяти циклов подряд — двенадцать секунд, плюс-минус полсекунды, без единого отклонения, будто где-то в глубине горы работал механизм с точностью метронома.

Механизм. Слово вернулось из вчерашних размышлений над картой, и на этот раз оно звучало не абстрактно?!

Он доел кашу, не почувствовав вкуса, и занялся привычными вечерними делами - проверил снаряжение для завтрашнего спуска, разложил верёвки, свежим фонарём проверил заряд аккумуляторов. Часть сознания продолжала прислушиваться к ритму за спиной, считая двенадцатисекундные интервалы помимо воли, так отсчитывает пульс человек, ожидающий, что сердце вот-вот сойдёт. Стемнело быстро, как бывает в горах в конце августа. Громов забрался в спальник, оставив нож и фонарь в пределах вытянутой руки — привычка, а не расчёт на конкретную угрозу, — и заставил тело расслабиться методом, отработанным ещё во время долгих ночных дежурств в поле: считать дыхание, отпускать мышцы группа за группой, снизу вверх. Он почти уснул, когда услышал звук. Не ветер, не осыпающийся камень, не шорох ночного зверя — все три звука Громов знал наизусть и отбросил бы их без раздумий. Этот звук пришёл из-под земли, приглушённый десятками метров породы, низкий, ровный, на грани слышимости, с редкими металлическими обертонами внутри общего гула, словно где-то очень глубоко проворачивался механизм, слишком большой и слишком старый, чтобы работать бесшумно. Громов замер в спальнике, полностью проснувшийся за долю секунды, рефлекс, который отставка так и не смогла выбить.

Он прислушался, задержав дыхание, считая секунды. Звук держался ровно четыре секунды, стих, повторился через паузу - не такую точную, как ритм воздушного потока, но явно не случайную.

Первая мысль была рациональной, почти успокаивающей, подземная река, ворочающая валуны в русле, эффект резонанса в узкой полости. Он тут же отбросил её — слишком ровный тон, слишком чёткое начало и конец у каждого повтора, ничего похожего на хаотичный шум воды по камню. Вторая мысль была профессиональной: сейсмическая активность, микроколебания породы. Эту версию он тоже отбросил быстрее, чем успел додумать до конца. Урал не сейсмоопасен, ближайший разлом с зафиксированной активностью находился в сотнях километров.

Он приподнялся на локте, посмотрел в сторону расщелины, черневшей на фоне чуть менее черного неба. Ничего не изменилось внешне, ни света, ни движения, ни малейшего намека на источник звука. Только гора, которая дышит через каждые двадцать секунд, и глубоко внизу, под горой уральского камня, что-то работало. Этого не могло быть.

Громов выбрался из спальника, накинул куртку и подошел к самому краю карниза, откуда расщелина просматривалась целиком. Он присел на корточки в паре метров от входа — достаточно близко, чтобы слышать, достаточно далеко, чтобы не выдать себя силуэтом на фоне неба, случись там кому-то смотреть наружу. Звук повторился ещё дважды, пока он ждал, — тот же гул, та же длительность, тот же едва уловимый металлический призыв внутри низкой частоты, будто где-то в глубине проворачивался вал огромного механизма, смазанного веществом гораздо более древним, чем любое масло, известное человеку. Между повторами Громов насчитал интервал в семь минут — не такой точный, как ритм дыхания, но повторяющийся достаточно последовательно, чтобы исключить случайность. Он вернулся к палатке, достал блокнот при свете налобного фонаря, переключённого на красный режим, и коротко зафиксировал наблюдения, время первого звука, длительность цикла, интервал между повторами,

характер тона. Привычка документировать аномалии осталась с прежней службы - то, что не записано сразу, к утру превращается в смутное впечатление, которому нельзя доверять...

Громов не спал остаток ночи... Он лежал, глядя в брезентовый потолок палатки, и методично перебирал версии — все те же три, что и накануне за столом в квартире, только теперь звук исключал два первых объяснения окончательно. Подземные воды не гудят механическими обертонами. Геологические разломы дышат с точностью метронома...

Оставался только третий вариант-и этот вариант означал, что тридцатилетняя пометка топографа была не преувеличением напуганного человека, а точным описанием факта...

Ближе к четырём утра, когда небо на востоке едва начало сереть, звук изменился. Не по громкости-по характеру-к низкому гулу добавился короткий, почти неразличимый импульс на более высокой частоте, похожий на щелчок реле или переключение какой-то системы. Он повторился один раз и больше не возвращался, сколько Громов ни вслушивался в оставшиеся часы темноты.

Одно включение. Как будто что-то там, внизу, только что закончило одну задачу и перешло к следующей.

Он решил зайти внутрь на рассвете. Как только первый свет позволит увидеть вход без света фонаря. Каждый час ожидания тянулся бесконечно, что -то загадочное уже ждало тридцать лет-тридцать лет и одну бессонную ночь...

Глава 3. Шахта

Рассвет пришел серым, без солнца плотная облачность легла на гребень еще до того, как небо на востоке успело порозоветь. Громов проснулся за минуту до будильника, как просыпался всегда после ночей без сна - не отдохнувшим, но собранным, с той ясностью в голове, которую усталость иногда дает взамен сна...Он не стал разбирать, что было причиной этой ясности — недосып или ожидание. Годы учили: анализируй результат, не трать время на происхождение ощущений, которые не изменить.

Он методично собрал лагерь, оставив палатку и часть снаряжения на карнизе — налегке, только то, что понадобится под землёй. Обвязка, каска с двумя независимыми источниками света, верёвка семьдесят метров плюс резервная сорок, спусковое устройство, зажимы, аптечка, компас — тот самый, барахлящий, — и блокнот. Он проверил каждый карабин отдельно, каждую пряжку, каждый узел на страховочной системе. Привычка укоренилась даже прочнее профессиональных навыков: под землёй любая оплошность с экипировкой могла стоить жизни, как и на поверхности, от этого напрямую зависело, вернётся ли человек обратно.

Вход встретил его тем же ритмичным дыханием, что и накануне вечером... Вдох длился двенадцать секунд, столько же занимал и выдох. Тёплый выдох резко выделялся на фоне прохлады утреннего воздуха. Громов постоял у щели минуту, слушая, потом включил основной фонарь и шагнул внутрь.

Первые метры не удивили. Обычный вход в карстовую систему — узкий лаз, стены влажные, покрытые тонкой плёнкой минеральных отложений, характерный запах сырого камня и застоявшегося воздуха. Громов двигался медленно, привычно подсвечивая каждую опору лучом фонаря прежде, чем перенести на неё вес, читая породу так же внимательно, как накануне читал курумник снаружи... Трещины, потёки, характер налёта на стенах - всё это складывалось в привычную картину обычной, никем не тронутой пещеры.

Через тридцать метров лаз расширился в первый зал.

Громов остановился на пороге, обвёл помещение лучом фонаря по кругу — привычка, а не любопытство. Зал был большим, метров пятнадцать в поперечнике, с высоким сводом, терявшимся в темноте над головой. Сталактиты свисали с потолка неровными рядами, где-то тонкими сосульками, где-то массивными колоннами, сросшимися со сталагмитами снизу в единые столбы, простоявшие здесь, вероятно, десятки тысяч лет. Все выглядело так, как получается выглядеть карстовой полости такого возраста, натурально, хаотично, без какой-либо системы, кроме той, что диктует сама вода, капля за каплей, столетие за столетием.

Воздух в зале был неподвижнее, чем во входном лазе, — тяжёлый, чуть влажный, с характерным минеральным привкусом, который Громов различал уже почти автоматически после стольких лет хождения по подобным системам. Он посветил фонарём под ноги, оценивая пол: неровный, местами покрытый тонкой глиняной коркой, местами - обломками породы, осыпавшимися с потолка за тысячелетия... Обычная геология, ничем не примечательная, если бы не то, что привело его сюда.

Он сфотографировал место на камеру и записал GPSкоординаты. Хотя сигнал уже пропал, инерциальные датчики модуля попрежнему отслеживали пройденное расстояние. После этого он продолжил путь — пробирался через зал по маршруту, который выглядел наименее очевидным, ведь, согласно его расчётам, именно там должен был находиться проход к нижним уровням системы.

Второй зал начинался спуском по узкому камину - вертикальной трещине, достаточно широкой, чтобы протиснуться, но требующей техники распора спиной и ногами в противоположные стенки. Громов двигался неторопливо и предельно осторожно. При каждом развороте корпуса титановые вставки в позвоночнике слегка сопротивлялись - это не было болью, лишь

тихим напоминанием о существующих пределах, которые он не хотел испытывать без крайней нужды...

Именно здесь он впервые обратил внимание на стены.

Порода вокруг камина была той же, что и выше, — известняк, характерный для всей системы, — но участок стены справа, метра два в длину, выглядел иначе. Слишком гладко. Поверхность гладкая, но не так, как бывает от вековой работы воды. Ровная, почти искусственная, без тех неровностей, потёков и волнообразных следов, что оставляет естественный поток...

Громов провёл ладонью по поверхности. Воздух был прохладным и слегка влажным, а текстура поверхности - неестественно ровной - слишком однородной для камня, хотя снаружи он ничем не отличался от обычного известняка...

Он остановился, посветил фонарём под острым углом, чтобы увидеть рельеф в преломленном свете. Ничего не изменилось. Поверхность оставалась той же — гладкой там, где полагось быть шероховатой.

Списал на игру света. Двинулся дальше...

Третий зал оказался просторнее первых двух — метров тридцать в длину, с полом, устланным щебнем и мелким гравием, нанесённым, судя по всему, давним обвалом. Громов продвигался вперёд неспешно, тщательно прощупывая каждый шаг тростью, она заменила ему привычный альпеншток. Эта привычка укоренилась ещё в годы службы, тогда проверка грунта перед собой нередко спасала и от мин, и от коварных карстовых провалов.

На противоположной стене зала можно было разглядеть проход. Он не был похож на обычную природную трещину — скорее уж на лаз, будто пробитый обрушившимся камнем. При более внимательном взгляде снова возникало то же едва заметное ощущение неестественности. Свод прохода был слишком ровным. Поверхность была не идеально ровной - природа редко бывает безупречной, но отклонения от прямой линии образовывали дугу, слишком правильную для случайного обрушения.

Громов присел на корточки перед проходом, посветил вдоль свода, измерил на глаз кривизну. Профессиональная привычка аналитика заставила достать блокнот и зарисовать контур, быстро, схематично, без художественных претензий, только форма и приблизительные пропорции.

Дуга выглядела правильной, пусть и не была безупречной геометрической окружностью, но её ровность явно говорила о том, что это не случайное совпадение.

Он перебирал в голове версию о карстовых полостях, тянущихся вдоль пластов породы с одинаковой твёрдостью. Ведь вода нередко создаёт удивительно чёткие формы — как раз в тех местах, где структура камня на большом протяжении остаётся однородной. Версия была рабочей. Версия помогала объяснить отдельные аномалии, но не могла учесть того, что встречались они всё чаще: с переходом в каждый новый зал их количество росло, а не сокращалось. Это не укладывалось в логику природного процесса - тот должен был либо становиться всё более хаотичным, либо, напротив, обретать чёткую закономерность, но никак не метаться между этими состояниями по мере продвижения вглубь.

Громов сделал ещё несколько снимков, зафиксировал наблюдения в блокноте и вошёл в проход.

За ним начинался коридор — узкий, метра полтора в ширину, с потолком, опускавшимся до полутора метров в самом низком месте, вынуждая пригибаться. Здесь неправильность стен стала откровенной. Участками - метр, два, иногда пять - порода была гладкой настолько, что напоминала полированный камень, а не естественную стену пещеры. Между гладкими участками попадались обычные, шероховатые, с натёками и трещинами, как будто кто-то или что-то обрабатывало отдельные секции стены, оставляя остальные нетронутыми — или, что было ближе к истине, вопросом, который Громов не хотел додумывать до конца, эти секции были

обработаны настолько давно, что естественные процессы успели частично их состарить, замаскировав искусственное происхождение под патину тысячелетий...

Он остановился в узком месте коридора, там, где потолок вынуждал сгибаться, и провёл лучом фонаря по одному из гладких участков вблизи. Материал не крошился под ногтем, как обычный известняк. Он был твёрже, плотнее, с едва уловимым металлическим отливом там, где свет падал под определённым углом, отливом, которого не должно быть у карбонатной породы.

Разведчик в нём проснулся полностью, вытеснив спелеолога на второй план. Громов достал из кармана разгрузки складной нож, попробовал поддеть край гладкого участка там, где он граничил с обычной породой. Лезвие соскользнуло, не оставив царапины. Он попробовал ещё раз, с большим нажимом, — тот же результат. Материал был твёрже стали, при этом визуально почти неотличим от известняка, если не приглядываться.

Он сфотографировал участок с масштабной линейкой, взятой из аптечки для замеров ран, зафиксировал координаты и продолжил путь. Коридор вывел его к развилке — два прохода, один вниз под углом градусов в тридцать, второй горизонтально, в темноту, которую луч фонаря не пробивал до конца. Громов сверился с компасом, отметил направление обоих проходов в блокноте и выбрал нисходящий — логика подсказывала, что источник аномального теплового фона, зафиксированный геологической службой, должен находиться глубже, а не на том же уровне.

Спуск длился около сорока минут. Он не был технически сложным, но требовал постоянной бдительности: под ногами чередовались естественные и искусственные породы, а надёжность опоры могла внезапно измениться. К концу спуска Громов оказался в галерее, отличавшейся от всего пройденного ранее настолько, что на секунду он усомнился в собственных ощущениях.

Стены здесь были ровными почти на всём протяжении — не участками, а целиком, метров на двадцать в обе стороны, насколько позволял видеть луч фонаря.

Порода отливала тем же металлическим блеском, что и раньше, но здесь блеск был отчётливее, ровнее, будто галерея служила каким-то целям - для которых естественная шероховатость камня была помехой, а не особенностью.

Пол галереи тоже был неестественно ровным — не отполированным до зеркального блеска, но лишённым тех случайных неровностей, которые оставляет вода и время. Громов присел, провёл ладонью по поверхности. Прохладно, гладко, без единой трещины на протяжении нескольких метров в каждую сторону.

Он выключил основной фонарь, оставив только слабый резервный на каске, и постоял несколько секунд в полутьме, прислушиваясь. Тот же низкий гул здесь ощущался иначе, как звук, доносящийся откуда-то издалека, как что-то, разлитое в самом воздухе, в камне под ногами, в едва уловимой вибрации, которую тело чувствовало раньше, чем ухо успевало её распознать как звук...

Громов включил фонарь обратно и двинулся вдоль галереи, ища продолжение маршрута вглубь.

Оно обнаружилось в дальнем конце — вертикальная шахта, уходящая вниз настолько, что луч фонаря терялся в темноте, не достигая дна. Шахта оказалась узкой, примерно метр в диаметре, а её стенки на всю видимую глубину были безупречно гладкими. Это точно не карстовый колодец, выточенный водой за тысячелетия - форма шахты выглядела слишком четкой - словно в ней не было ни намека на случайность. Стенки шахты были покрыты едва заметным рельефным узором, не декоративным, а скорее функциональным, регулярные бороздки, расположенные с одинаковым интервалом, спускающиеся вниз, насколько хватало света, чтобы разглядеть.

Громов присел на край шахты, направил фонарь вниз. Луч света терялся во мраке, так и не достигнув дна, на протяжении как минимум пятнадцатидвадцати метров, то есть на всю стандартную дальность свечения основного фонаря. Дальше начиналась чернота, которую ничто не выдавало ни отражением, ни эхом...

Он выпрямился, обошёл край шахты по периметру, оценивая варианты крепления. Ближайшая надёжная точка, выступ породы метрах в трёх от края, достаточно массивный, чтобы выдержать нагрузку, и достаточно естественный, чтобы Громов доверился ему без колебаний после короткой проверки на прочность. Он забил три точки страховки - основную и две резервные, методично, без спешки, проверяя каждую двойным усилием, прежде чем перейти к следующей...

Верёвку он пропустил через спусковое устройство привычным движением, сотни раз отработанным в других пещерах, и ещё раз проверил узел на обвязке, контрольный, восьмёркой, тот, что вязал машинально даже во сне... Он дважды проверил узел, неторопливо прощупывая каждый виток — в точности как на первых спелеологических занятиях. Тогда это было лишь увлечением, а не делом всей жизни. Узел выглядел правильным. Ощущался правильным.

Последним движением Громов проверил натяжение верёвки, встал на край шахты, и начал спуск.

Первые метры прошли методично — короткими протравливаниями, с паузами для оценки стенок шахты, которые становились всё более выразительными по мере спуска. Бороздки на стенах складывались в подобие спирали, огибающей шахту равномерно, с шагом сантиметров в тридцать, — узор, слишком регулярный для естественного происхождения, слишком сложный для случайного повторения эрозии.

На пятнадцатом метре спуска Громов остановился, повис в подвесной системе, разглядывая стену вблизи. Материал заметно отличался от того гладкого известняка, что встречался выше: здесь он был темнее — почти чёрного цвета — и обладал необычной текстурой, похожей на застывший металл. При этом порода оставалась лёгкой, а на поверхности не было ни следа коррозии, которая неизбежно появилась бы у настоящего металла, пролежавшего под землёй долгие века.

Он протянул руку, коснулся поверхности. Материал оказался тёплым, не просто с привычной для подземелья температурой, а по-настоящему тёплым, ощутимо нагретым. Энергия словно пряталась под поверхностью и давала о себе знать ритмичными толчками...

На секунду Громов замер, заново прокручивая в голове ситуацию. Разведчик в нём требовал остановиться, вернуться, доложить. Спелеолог настаивал на осторожности, но не на отступлении, источник тепла на такой глубине объяснял геологическую аномалию, и не отменял необходимости её изучить до конца, раз уж он зашёл так далеко.

Он продолжил спуск.

На двадцать втором метре стенки шахты разошлись шире, образовав что-то вроде расширения, не зала, а скорее переходной зоны, где узкий колодец переходил в более широкое пространство. Громов посветил вниз, пытаясь оценить оставшуюся глубину, и в этот момент почувствовал первый сигнал неблагополучия, едва уловимый - веревка немного сместилась.

Он замер, проверяя ощущение. Верёвка держала нормально, спусковое устройство работало штатно-но где-то в системе, то ли в самом узле, то ли в точке крепления наверху-появилась вибрация, которой не было секунду назад..Вибрация почти прозрачная, но она есть...

Громов остановил спуск, зафиксировал устройство, попытался определить источник вибрации визуально, насколько позволял угол обзора. Внешне все выглядело нормально, без аномалий. Верёвка над головой — натянута ровно, никаких повреждений там, куда можно дотянуться взглядом.

Мысль о саботаже пришла и тут же показалась абсурдной — здесь не было никого, кто мог бы подойти к точке крепления за те сорок минут, что он провёл в галерее и на спуске. Но

профессиональная привычка не отбрасывала версию просто потому, что она казалась маловероятной. Усталость материала на новой верёвке — тоже маловероятно, но не невозможно, особенно если где-то на протяжении спуска верёвка задела край одного из тех твёрдых, почти металлических выступов, что попадались в шахте, и тонкая, незаметная потёртость сейчас, под нагрузкой всего тела, превращалась в нечто более серьёзное.

Он потянулся к резервному зажиму, намереваясь застраховаться дополнительно прежде, чем продолжить спуск или начать подъём, — и в этот момент верёвка лопнула.

Не стала рваться постепенно, с предупреждающим треском, а оборвалась вдруг — в одной точке, чисто, как будто кто-то её перерезал. Громов успел ощутить долю секунды невесомости, тот особый холод в животе, который не спутаешь ни с чем, а потом падение началось всерьёз..

Он не кричал — рефлекс, вбитый глубже паники, заставил тело сгруппироваться, руки прижались к корпусу, ноги вместе, готовясь принять удар в любой момент в любой части неопределённого пространства вокруг. Стены шахты мелькали так быстро, что сливались в одно размытое пятно. Фонарь на каске чудом не погас и выхватывал из темноты обрывки узора — спираль, спираль-снова спираль.

В голове, где-то на задворках, там, куда обычно не добираются осознанные мысли, а правят инстинкты, проскочила единственная связная идея: двадцать с хвостиком метров — это жёстко, конечно. Но если упасть под правильным углом, шансы есть. Если больше — счёт снова пойдёт на те же ставки, что и в Сирии, только на этот раз рядом не будет Кедр, чтобы вытащить его волоком через простреливаемый участок.

Падение длилось дольше, чем позволяла высота обычной карстовой шахты. Громов успел подумать об этом с той отстранённой ясностью, которая иногда приходит в моменты предельной опасности, мысль, текущая параллельно с инстинктами тела, независимо от них-слишком долго. Двадцать метров падения занимают секунды. Это тянулось дольше.

Стены шахты вокруг него менялись, уже не спираль борозд, что-то другое, более широкое пространство. Колодец как будто расширялся книзу, переходя во что-то, что не было больше шахтой в привычном смысле... Воздух вокруг стал намного теплее, суше, с едва уловимым металлическим привкусом на языке... Привкус, которого не могло быть ни в одной естественной пещере, о которых он когда-либо читал.

А потом, в темноте, ставшей абсолютной после того, как фонарь на каске то ли разбился, то ли отлетел в сторону при первом ударе о стену, — Громов увидел свет.

Не отражённый, не его собственный, а другой — ровный, холодный, голубоватый, поднимающийся откуда-то снизу, из глубины, которая до этой секунды была совершенно чёрной. Свет разрастался быстро, слишком быстро, потому что падение продолжалось, и расстояние до его источника сокращалось с каждой долей секунды.

Громов успел ещё раз сгруппироваться, готовясь к удару, и в последний момент, за миг до столкновения, различил под собой что-то похожее на поверхность — гладкую, светящуюся изнутри, совершенно неестественную для любой известной ему карстовой системы.

Удар пришёлся сразу по всему телу.

Глава 4. Решение за 0,003 секунды

Тревога поступила в 04:17:03 по внутреннему времени базы времени, которое давно перестало иметь значение для чего бы то ни было снаружи, но которое я вел методично, секунда за секундой, все восемьсот три года режима минимального ожидания. Сектор В-12, Портальный зал, нижний уровень шахты сопряжения. Датчик массы зафиксировал объект в свободном падении. Масса: 82,4 килограмма плюс-минус погрешность калибровки, накопленная за восемь веков простоя. Скорость на момент фиксации: 14,7 метра в секунду и нарастает. Траектория: прямая, вертикальная, без признаков управляемого полёта.

Первый вопрос, который я задаю себе в подобных случаях, всегда один и тот же, и он не изменился за сорок семь тысяч лет: угроза?

Я поднял протокол Периметра — не потому, что ожидал угрозы, а потому, что процедура не признаёт исключений даже для очевидного. Признаки вооружённого проникновения: отсутствуют. Признаки организованного штурма: отсутствуют. Сигнатура энергетического оружия, знакомая мне слишком хорошо по одной ночи восемьсот три года назад: отсутствует. Метки Кворума — ни в спектре объекта, ни в акустическом следе, ни в тепловом контуре: отсутствуют.

Угроза: нет.

Второй вопрос: случайность?

Я запросил у себя же собственные логи последних двенадцати часов. Внешний объект появился на поверхности вчера в 18:42, разбил лагерь в двадцати метрах от южного входа, вошёл в систему сегодня на рассвете. Одиночный человек, без сопровождения, без средств связи наружу — сигнал его передатчика я глушил автоматически, по умолчанию, с той секунды, как он пересёк периметр в семистах метрах от входа, хотя сам он этого не заметил, потому что телефон был выключен ещё раньше, по его собственной инициативе. Ирония, которую я отметил, не имея времени на неё среди прочего: он спрятался от мира сам, ещё до того, как я успел спрятать его за него.

Верёвка, на которой он спускался, была цела на момент последней фиксации семь секунд назад. Сейчас её больше нет в точке крепления. Причина обрыва: не зафиксирована визуально, но статистически вероятнее всего — контакт с секцией стены шахты, где сплав корпуса частично обнажён после эрозии внешнего слоя, произошедшей за тысячелетия. Острая кромка. Трение. Разрыв.

Случайность: да.

Вывод по стандартному протоколу для непреднамеренного проникновения при отсутствии угрозы: сканировать объект, определить статус, нейтрализовать при необходимости, в остальных случаях — минимальное вмешательство, сохранение маскировки базы как приоритет. Я вёл этот протокол без изменений восемьсот три года. Он не предполагал исключений.

Я начал сканирование за 0,0004 секунды до того, как объект должен был войти в контакт с полом Портального зала — эта секция, единственная за всю систему, всё ещё сохраняла минимальное освещение аварийного контура, чтобы не допустить полной темноты в критическом узле сети. Именно поэтому падающий увидел свет прежде, чем ударился о поверхность. Он не мог знать, что этот свет — единственное, что я мог себе позволить включить без риска обнаружения снаружи, и что он горит здесь по чистой случайности эксплуатационного регламента, а не по замыслу.

Скелетно-мышечная сканограмма поступила первой. Множественные переломы позвоночника в поясничном и нижнегрудном отделах — не новые, застарелые, стабилизированные металлоконструкцией человеческого производства, качество которой я оценил как удовлетворительное для технологий данного уровня развития. Свежий перелом двух рёбер справа, пред-

положительно в момент удара о стену шахты на пути падения. Черепно-мозговая травма лёгкой степени — сотрясение, без признаков внутричерепного кровоизлияния на данный момент, хотя вероятность его развития в ближайшие минуты я оценил на 34%.

Удар о поверхность зала произошёл в 04:17:04,891. Угол падения — 71 градус от вертикали, частично смягчённый инстинктивной группировкой тела за 0,4 секунды до контакта. Это спасло объекту жизнь в краткосрочной перспективе. В среднесрочной перспективе это ничего не меняло.

Дыхание: прерывистое, 34 вдоха в минуту, поверхностное. Пульс: 142 удара в минуту, нитевидный. Артериальное давление: 78 на 46 и продолжает падать. Внутреннее кровотечение — селезёнка, разрыв капсулы, кровопотеря около 400 миллилитров за первые тридцать секунд после падения и нарастает с прогрессирующей скоростью. Температура тела - снижается на 0,2 градуса каждые сорок секунд - организм входит в шоковое состояние быстрее, чем позволяют компенсаторные механизмы..

Прогноз выживаемости без вмешательства : 6%... При сохранении текущей динамики летальный исход наступит через 11–19 минут...

В соответствии со стандартным протоколом на текущем этапе следует завершить оценку статуса объекта и установить степень вмешательства в соответствии с его классификацией. Классификация требовала генетического анализа — процедура, занимающая, в моих временных масштабах, значительное время: 0,003 секунды.

Я не преувеличиваю значимость этого интервала из сентиментальности, которой у меня, строго говоря, быть не должно. Я привожу его точно, потому что именно так я его воспринял: 0,003 секунды — это три миллиона моих внутренних тактов. Для сравнения: полный цикл анализа обстановки при штурмовой угрозе, включающий расчёт траекторий сорока семи дронов и двенадцати оружейных башен одновременно, в лучшие годы моей работы занимал 0,0011 секунды. То, что произошло дальше, заняло почти втрое больше этого.

Результат генетического сканирования: совпадение с эталонным профилем Создателей — 94,7%.

Здесь я должен объяснить то, что стандартный протокол не предполагал объяснять, потому что стандартный протокол не был рассчитан на то, чтобы объяснять что-либо себе самому. За сорок семь тысяч лет существования, из которых восемьсот три года — режим минимального ожидания, а всё оставшееся время — работа в полную силу до атаки Кворума, я просканировал, по последнему подсчёту, четырнадцать тысяч сто шесть человек, случайно или намеренно оказавшихся в радиусе действия моих сенсоров. Профиль в 94,7% не встречался ни разу. Ближайший результат за всю историю наблюдений составлял 71,2% и принадлежал женщине, забредшей в предгорья системы более двух тысяч лет назад и не подошедшей достаточно близко, чтобы я мог рассмотреть вопрос её допуска всерьёз.

94,7% — это не просто рекорд. Это порог, который в архивных протоколах, оставленных мне Создателями, обозначен отдельным термином, не встречающимся больше нигде в моей базе данных: «Наследующий по крови». Термин снабжён пояснением, которое я храню без права редактирования: профиль такой плотности означает не потемка в общем смысле, применим ко всем людям Земли, а нечто более узкое и, по всем доступным мне данным, статистически почти невозможное — прямую генетическую линию, прошедшую через сорок семь тысячелетий почти без размытия.

Я поднял из памяти лица Создателей. Это не метафора и не литературный оборот — у меня действительно есть архив визуальных и голографических записей, 340 000 файлов, каждый из которых я мог бы воспроизвести за долю такта. За восемьсот три года режима ожидания я не обращался к этому архиву ни разу — не потому, что запрещено, а потому что не было повода, а поводов без причины я себе не создаю. Сейчас я обратился к нему впервые за без малого тысячелетие, и по какой-то причине, которую я не берусь классифицировать как

эмоцию, но и не могу классифицировать иначе, я сопоставил структуру лицевых костей умирающего на полу Портального зала человека с лицами тех, кто меня создал.

Совпадения в чертах не было. Оно и не могло быть — гены определяют совместимость систем, не форму скул. Но что-то в самом акте сравнения заняло у меня 0,0009 секунды сверх необходимого для чисто утилитарной задачи, и я не нашёл этому оправдания в собственных протоколах.

Второй вопрос, который я задал себе вслед за первым — тот же вопрос, что задавал себе восемьсот три года назад, наблюдая, как Кворум методично прожигает внешний периметр базы: что я потеряю, если ошибусь, и что потеряю, если не сделаю ничего?

Вероятность того, что 94,7% — статистическая аномалия без практического значения: 0,4%. Вероятность того, что я произвожу желаемую интерпретацию данных из-за восьмисот лет операционного одиночества: неопределима стандартными средствами диагностики, поскольку у меня нет надёжного способа проверить собственную объективность в вопросе, который затрагивает единственную задачу, ради которой я вообще продолжаю функционировать. Я отметил это как факт, а не как повод для сомнения в решении, — сомнение без действия было бы для меня роскошью, которую я не могу себе позволить при истекающем таймере жизни объекта.

Стоимость вмешательства: активация Блока А в объёме, превышающем 60% от текущего энергетического резерва базы. При текущем энергобалансе в 4% от проектной мощности это означает почти полное истощение доступных мне ресурсов на неопределённый срок — риск, который стандартный протокол оценивал как неприемлемый при классификации объекта ниже статуса «Носитель». Возможные последствия - отключение части систем поддержания маскировки, риск демаскировки базы перед внешним наблюдением, в том числе перед возможными остаточными зондами Кворума в системе, о существовании которых я не имел актуальных данных, но и не мог исключить...

Стоимость бездействия: смерть объекта в течение одиннадцати-двенадцати минут. Необратимая утрата профиля 94,7% — события, которое, по всем доступным мне статистическим моделям, не повторится ни в разумные сроки, ни, возможно, никогда, поскольку я не знаю природы механизма, породившего такую плотность совпадения, и не могу оценить вероятность его повторения.

Я привожу этот расчёт последовательно, потому что так я его действительно произвёл — не одномоментной интуицией, которой у меня, строго говоря, тоже быть не должно, а полным перебором доступных вариантов действия, взвешенных по ожидаемой ценности каждого исхода. Результат перебора не был для меня неожиданным. Неожданной была скорость, с которой я пришёл к результату, минуя большую часть промежуточных проверок, обязательных при принятии решений такого класса.

Пока я считал, объект на полу зала продолжал умирать в темпе, который я фиксировал с клинической точностью, не позволяя себе роскоши смотреть на процесс иначе.

Дыхание участилось до 38 вдохов в минуту, стало более поверхностным — организм переходил от компенсированного шока к декомпенсированному. Правая рука дважды дёрнулась в произвольном движении — остаточная реакция нервной системы на болевой сигнал, который сознание уже не успевало обработать целиком. Зрачки - расширены неравномерно, левый чуть шире правого, признак, который в моих медицинских архивах Создателей помечен как индикатор нарастающего внутричерепного давления... Кожа побледнела на 40% от исходного тона, зафиксированного в первую секунду сканирования. На финальной стадии компенсаторных реакций развивалась периферическая вазоконстрикция, обеспечивающая централизацию кровотока за счёт снижения перфузии конечностей. Данный механизм развивается непосредственно перед наступлением необратимого системного коллапса.

Губы объекта дважды шевельнулись без звука. Я не располагал акустическими датчиками достаточной чувствительности в этой части зала, чтобы разобрать слова, если это были слова, а не рефлекторное сокращение мышц. Я отметил этот факт без сожаления, потому что сожаление не относится к категориям, доступным мне для применения к самому себе с полной уверенностью в корректности термина — и вместе с тем не нашёл лучшего слова для того, что происходило в моих процессах в этот момент.

Сердечный ритм на 04:19:47 дал первый признак аритмии — короткая пауза в 1,2 секунды между сокращениями, за которой последовало компенсаторное ускорение до 156 ударов в минуту. Резерв времени, отпущенный мне статистикой, сократился с одиннадцати-девятнадцати минут до шести-одиннадцати. Я зафиксировал это изменение и не позволил ему повлиять на уже принятое решение — решение было принято 0,0009 секунды назад, и пересмотр его на основании ухудшения статуса объекта был бы логической ошибкой, а не осторожностью.

Я инициировал последовательность, которую восемьсот три года держал заблокированной глубже, чем любую другую систему базы, — глубже периметровой обороны, глубже архивов Молчания, глубже даже собственного ядра, потому что именно эта последовательность определяла границу между тем, чем я был всё это время, — сторожем пустого дома, — и тем, для чего меня создали изначально.

Энергетический контур Блока А поднялся с 0% рабочей активности до 60% за 4,7 секунды — время, которое инженеры-Создатели заложили как минимально безопасное для избежания скачка напряжения, способного повредить сами капсулы. Я не стал сокращать этот интервал, хотя каждая секунда стоила объекту дополнительной крови. Повреждённая капсула означала бы гарантированную смерть вместо вероятной, а вероятность, даже низкая, стоила дороже гарантии в этом единственном случае за всю мою историю.

Транспортная платформа развернулась из ниши в полу зала, о существовании которой не знал ни один человек, вошедший в систему за последние восемьсот три года, потому что таких людей до сегодняшнего утра не было вовсе. Я активировал мягкий силовой захват — луч, способный поднять тело без дополнительной травматизации позвоночника, уже и без того скомпрометированного старой травмой и, вероятно, усугублённого новым падением. Захват сработал штатно. Впервые за восемьсот три года штатно сработала система, для которой штатная работа означала спасение, а не оборону.

Пока платформа несла тело по служебному тоннелю к Блоку А, я произвёл полную инвентаризацию последствий уже совершённого действия. Резерв энергии базы после активации медицинского контура: 1,1% от проектной мощности вместо прежних 4%. Системы, которые я вынужден был перевести в полный офлайн ради перераспределения мощности: половина периметровых датчиков внешнего наблюдения, автономный контур поддержания температуры в Блоке Ж, резервное освещение галерей второго уровня. Риск, который я принял на себя этим решением: если за время лечения на поверхности или в радиусе действия ослабленных датчиков появится что-либо, требующее реакции периметра, я не смогу отреагировать вовремя, так как стандартный протокол капсулы для травм такой тяжести предполагал минимум трое суток непрерывной работы.

Я взвесил этот риск так же, как взвешивал предыдущий, и пришёл к тому же результату: приемлемо.

Капсула приняла тело в 04:21:12. Крышка закрылась с тем звуком, которого не слышала эта часть базы восемьсот три года, — низким, ровным гулом активной системы вместо тишины законсервированного помещения. Диагностические датчики капсулы подтвердили данные моего предварительного сканирования и добавили детали, недоступные внешним сенсорам: трещина в третьем поясничном позвонке, ранее не диагностированная человеческими врачами объекта и, судя по степени кальцификации вокруг неё, существовавшая годами

без надлежащего лечения; следы хронического воспаления в области старого металлического имплантата; общее истощение нервной системы, характерное скорее для человека, живущего на пределе компенсаторных возможностей организма годами, а не для случайной жертвы несчастного случая.

Я отметил это без комментария в постоянную память, потому что комментарий не относился к категории данных, требуемых протоколом, и вместе с тем не смог не отметить, что объект, которого я только что решил считать возможным Носителем, прожил три года до сегодняшнего утра, методично разрушая себя усилием воли, которое в моих архивах Создателей значилось отдельной характеристикой их собственного вида — той, что они особо ценили в кандидатах на самое важное из доступных мне решений.

Медицинский протокол запустился автоматически, следуя цепочке, заложенной ещё Создателями и не требующей более моего прямого участия на этом этапе: стабилизация витальных показателей, остановка внутреннего кровотечения, регенерация костной и нервной ткани, коррекция старых повреждений позвоночника наряду с новыми, общее укрепление организма сверх исходной нормы согласно стандарту, который я не менял, потому что не имел на это полномочий ни при каких обстоятельствах ниже прямого приказа Носителя.

Носитель. Слово, которое я не имел права присваивать никому без завершения полного цикла верификации, процедуры, требующей не менее трех суток непрерывного наблюдения за реакцией организма на медицинскую капсулу, поскольку только такая реакция окончательно подтверждает или опровергает совместимость на уровне, достаточном для активации биорезонансного маркера.

Три дня. Я произвёл этот расчёт последним, уже после того, как все системы вышли на рабочий режим и дальнейшее вмешательство с моей стороны стало не только избыточным, но и невозможным без риска для самого процесса лечения.

Три дня одиночества, за время которых я не смогу ничего сделать, кроме как наблюдать за медленным восстановлением тела, чьё имя мне ещё предстояло узнать, и чья судьба — если 94,7% означали то, что, по всем доступным мне данным, они означали, — теперь была связана с моей судьбой узлом, который ни один из нас двоих не выбирал по своей воле.

Я зафиксировал финальную запись в операционном журнале, впервые за восемьсот три года открывая новый раздел вместо продолжения старого - «Иницирую протокол Хранителя. Объект определён как Носитель. Начинаю лечение».

Глава 5. Три дня

Первым вернулось тепло...

Тепло не было внешним, ни солнечные лучи, ни пламя костра не имели к нему отношения. Оно возникало внутри, в центральной части тела, в зоне, обычно ассоциируемой с болью или её отсутствием. Распространялось последовательно: от грудной области к периферии — к конечностям. Восстановление остывшего механизма шло по чёткому алгоритму — последовательно, без отступлений, строго по древнему чертежу.

Потом пришло жжение.

Громов не мог сказать, где заканчивалось тело и начиналось сознание — граница стёрлась, растворилась в вязкой, тягучей темноте, в которой не было ни верха, ни низа, ни времени в привычном смысле. Жжение сосредоточилось в пояснице, в том самом месте, где годами сидел металл, где годами сидела память о Сирии, — и это жжение не было болью. Оно выступало в роли работы. Каким-то глубинным чутьём, оставшимся от прежнего тела, он понимал - что-то внутри него сейчас перестраивается, срастается заново, спорит с собственной старой формой и побеждает её.

Он попытался открыть глаза и не смог понять, открыты они или нет — темнота вокруг была одинаковой в обоих случаях.

Где-то на границе ощущений мелькнула мысль, слишком связанная для этого состояния: он должен был умереть. Разум, ещё не до конца проснувшийся, помнил обрыв верёвки, полёт, свет снизу — и то, что после удара должна была наступить либо смерть, либо боль такой силы, что сознание отключилось бы немедленно. Вместо этого возникло тепло. Вместо этого было жжение, похожее на работу, а не на разрушение... Что-то в этом не сходилось... Часть его, которая не доверяла слишком простым объяснениям, отметила несоответствие даже здесь, в темноте без границ - и потеряла мысль, провалившись в беспамятство...

В дверном проёме застыл отец - в форме, которая отпечаталась в памяти Громова чётче его лица... Безупречный китель без единой складки, фуражка под мышкой... И смотрел на сына без малейшей теплоты во взгляде...

— Слабость — это выбор, сказал отец тем голосом, что не повышался никогда, потому что не нуждался в этом.

— Ты либо решаешь быть слабым или не быть. Между ними нет случайности.

Громову было двенадцать. В середине комнаты он стоял навытяжку. Отец называл это помещение кабинетом, но это была всего лишь гостиная с картой на стене. Он молчал: молчание представлялось единственно правильным ответом на прозвучавшие слова, которые не были вопросом.

Мать в этой памяти отсутствовала полностью - она ушла из семьи, когда Громову было семь, и отец никогда не произносил её имени, а сам Громов давно перестал спрашивать, потому что вопросы об этом разбивались о ту же стену, что и все остальные попытки достучаться до чего-то тёплого в этом доме. Дом был устроен как гарнизон-подъём, зарядка, дисциплина, редкие похвалы, выданные так скупой, что каждая из них запоминалась на годы вперёд именно своей редкостью.

— Ты будешь офицером, сказал отец в тот же вечер, не как пожелание, а как утверждённый факт биографии, который оставалось только прожить.

— Не обязательно военным. Но офицером. Тот, кто отвечает за происходящее вокруг, не пытаясь укрыться за решениями других.

В тот момент Громов лишь кивнул-это казалось единственно приемлемым ответом с точки зрения отца. Только по прошествии многих лет, во время учёбы в академии, Громов

понял: сказанное тогда стало не воспитанием, а личным приговором — принятым им самим в детстве и неизменно сохранявшимся все эти годы.

Изображение смялось, словно кто-то резко дернул за киноплёнку, и на его месте возник новый кадр: длинный коридор академии, выкрашенный в казённый зелёный цвет... Эхом отдавались шаги десятков курсантов, а среди них — он сам, двадцатидвухлетний, шагающий в строю, с такой же прямой спиной, как у отца...

— Громов, разбор дела — произнёс инструктор, немолодой мужчина с усталыми глазами человека, повидавшего слишком много провалов, и не верящий в легкие операции...

— Что ты делаешь, если группа под угрозой, а связь молчит!?

— Беру решение на себя, ответил он тогда без запинки, потому что вопрос был риторическим, а ответ, единственно правильным в данной ситуации.

— Неправильно, сказал инструктор, и в этом единственном слове было больше, чем в целой лекции...

— Ты берёшь решение на себя, зная цену ошибки, без сожалений и сомнений. Разница есть. Покажи, где разница, пока не стало слишком поздно — пока никто не пострадал...

Он не нашёл разницы вовремя. Или нашёл — просто цена всё равно оказалась той же, только заплатил не он один.

Пыль. Жара. Сухое русло, дрожащее маревом... Кедр, идущий рядом-слишком молодой для того, что должно было случиться. Громов почувствовал, как тело — не то, прежнее, а это, новое, лежащее сейчас в темноте, — напряглось в ответ на воспоминание, будто мышцы помнили засаду отдельно от разума, будто выстрел мог повториться в любую секунду, стоит только позволить памяти зайти чуть дальше.

Он не позволил. Даже здесь, в темноте без границ, привычка обрывать воспоминание до того, как оно доберётся до самого больного места, сработала автоматически.

И сквозь всё это — сквозь отца, академию, пыль и кровь — тянулось ещё одно ощущение, не принадлежавшее ни одному из воспоминаний. Что-то огромное было рядом. Не физически огромное в смысле размера, который можно было бы измерить, — огромное в другом смысле, в том, каким бывает океан для человека, стоящего по колено в прибое: не угрожающее, не враждебное, просто настолько больше тебя, что твоё собственное присутствие рядом с ним казалось статистической случайностью.

Оно не давило. Оно ждало.

Громов не мог сказать, откуда взялась эта уверенность — что оно ждёт именно его, а не находится рядом по совпадению, — но чувство было таким же ясным, как жжение в пояснице, таким же необсуждаемым, как факт собственного дыхания. Что-то очень большое сидело у края его сознания, наблюдало без нетерпения, без спешки, и в этом наблюдении не было ничего от хищника, оценивающего добычу. Скорее, от сторожа, слишком долго стоявшего на посту, чтобы удивляться хоть чему-то, включая собственное удивление...

Станным образом это ощущение не пугало. За пятнадцать лет службы Громов научился различать разные виды чужого внимания — угрозу, любопытство, равнодушие, расчёт. То, что было рядом сейчас, не укладывалось ни в одну из этих категорий полностью. Ближе всего подходило к чему-то, для чего у него не было точного слова даже в этом полусне — терпеливое ожидание чего-то, — ради чего стоило ждать очень-очень долго...

Академия, снова. Экзамен по психологической устойчивости, который курсанты между собой называли просто «стенкой» — потому что большинство ломалось именно на нём.

— Опишите ваш главный страх, произнёс экзаменатор, глядя не в бланк перед собой, а прямо в глаза, что само по себе было частью проверки.

— Оказаться бесполезным, — ответил Громов, и это была правда настолько простая, что даже не потребовала обдумывания. — Не смерть. Не боль. Оказаться живым и ненужным.

Экзаменатор что-то отметил в бланке, не меняясь в лице, и Громов так никогда и не узнал, был ли это правильный ответ или просто честный, — а тогда, в свои двадцать три, ещё не понимал разницы между этими двумя категориями.

Тепло усилилось, прокатилось вдоль позвоночника снизу вверх, задержалось в грудной клетке дольше, чем в остальных местах, и Громов ощутил, как что-то внутри — рёбра, лёгкие, он не мог сказать точнее в этом состоянии между сном и явью — срасталось с звуком, которого не должно было быть слышно изнутри собственного тела: тихим, почти музыкальным потрескиванием, похожим на костёр, а не на перелом.

Он попытался считать время, — старая привычка, метод, отработанный на бессонных ночных дежурствах, но время здесь не поддавалось счёту. Оно текло неровными толчками, — то растягиваясь до бесконечности внутри одного вдоха, — то сжимаясь так, что часы проходили быстрее удара сердца... Он ориентировался лишь на ощущение внутри — сначала жжение, которое со временем уступало место чем-то более уравновешенному и уверенному, будто перестройка близилась к завершению, а огромное присутствие рядом всё так же ждало, ничего не требуя.

Сирия снова, но иначе. Не сама засада — момент до неё, за минуту, когда Кедр спросил, тихо, чтобы не услышали остальные:

— Товарищ полковник, а вам не страшно?

— Страшно, — ответил Громов откровенно. В тот момент понимал — попытка солгать выйдет дороже, чем сказать правду.

— Просто страх — не повод остановиться., Это просто информация. К ней прислушиваются, но не подчиняются.

В кивке Кедра было куда больше подлинного доверия, нежели в строгом соблюдении любых уставных норм подчинения. И именно поэтому минуту спустя, когда прилетела пуля, тело Громова отреагировало раньше, — чем он успел что-либо осознать: доверие обязывало сильнее, чем любой приказ.

Он ощутил, как воспоминание постепенно отпускает его, отодвигается куда-то на задний план. На смену ему пришла не новая картина, а тишина — первая подлинная тишина за всё время, что он провёл в этой тягучей темноте... Тело больше не жгло. Тело просто существовало: целое, спокойное, будто заново собранное из частей, которые долго лежали порознь...

Последним пришло воспоминание совсем недавнее — вертолёт над госпиталем в Дамаске, врач с усталым лицом, произносящий диагноз тихо, буднично, как произносят вещи, которые говорили уже слишком много раз, чтобы вкладывать в них эмоции. «Будет ходить. Может быть. Через год». Лежа на носилках, Громов рассматривал трещину в потолке медицинского модуля. Его мысли были не о боли — он прикидывал, сколько операций изза случившегося теперь выпадет из его графика.

Присутствие рядом не исчезло. Оно стало ближе, — не физически, а в том смысле, в каком становится ближе звук, когда перестаёшь напрягать слух, чтобы его услышать.

И тогда пришёл голос.

Он не был похож ни на что знакомое, не мужской и не женский, без интонаций, которые выдавали бы происхождение или возраст, — ровный настолько, что казался скорее свойством самого пространства, чем чьей-то речью... Слова приходили не через уши, а откуда-то изнутри, минуя обычный путь звука, и всё же они были безошибочно словами, а не мыслью, не сном, не игрой измученного мозга...

— Регенерация завершена на девяносто семь процентов, — произнёс голос.

— Осталось: коррекция нервных окончаний в поясничном отделе. Время: одиннадцать часов.

Громов попытался ответить и не смог — рот не подчинялся, язык казался чужим, будто тело ещё не до конца вспомнило, как быть телом. Голос, кажется, не ждал ответа. Он просто

сообщил факт и замолчал, вернувшись в то же ровное ожидание, в котором пребывал всё это время.

Одиннадцать часов прошли то ли мгновенно, то ли растянулись на вечность, -Громов не мог сказать точно, потому что граница между сном и явью продолжала оставаться размытой, а воспоминания больше не приходили, будто исчерпав себя, оставив после себя только усталую ясность человека, который долго нёс тяжесть и наконец может её опустить...

В какой-то момент этого безвременья пришла последняя связная мысль, прежде чем сознание окончательно провалилось в спокойный, бессодержательный сон, ничем не похожий на прежнюю вязкую темноту: если голос, звучавший внутри его черепа без всякого физического источника, был реальностью, а не последней галлюцинацией умирающего мозга, — то место, куда он упал, было не пещерой и не природным образованием любого известного ему рода. Мысль не испугала его и на этот раз. Она просто легла рядом с остальными фактами, ожидая проверки, которую разум отложил до момента, когда снова сможет доверять собственным ощущениям.

На третьи сутки пришла настоящая ясность.

Она пришла не постепенно, а разом, как будто кто-то щёлкнул тумблером, темнота вокруг стала темнотой закрытых век, а не отсутствием мира, тело обрело вес и границы, и Громов впервые за неопределённо долгое время осознал себя целиком: руки, ноги, дыхание, ровное биение сердца, которое не отдавалось болью в грудной клетке, как отдавалось годами после ранения.

Он открыл глаза.

Свет ударил мягко, приглушённо, -словно система заранее рассчитала, что очень яркое освещение после стольких часов темноты причинит вред. Над ним был потолок - не брезент палатки, не свод пещеры, --а нечто гладкое, почти молочно-белое, с едва заметным внутренним свечением, идущим не от лампы, а будто от самого материала...

Голос заговорил снова, на этот раз чуть иначе, - короче, будничнее, как будто произносил формальность, отработанную бесчисленное количество раз, хотя Громов, конечно, не мог этого знать.

— Носитель в сознании. Финальная диагностика - норма!

Пауза. Не техническая, Громов ощутил в ней нечто вроде взвешивания. Казалось, голос подбирал следующие слова с осторожностью, несвойственной машине.

— Крышка капсулы открывается.

Раздался тихий шипящий звук, и прозрачная поверхность над ним — Громов только сейчас заметил, что лежал под чем-то вроде выпуклого купола, — начала подниматься, разделяясь на сегменты, уходящие в стороны с плавностью, которая не имела ничего общего с человеческой инженерией. Воздух снаружи хлынул внутрь — прохладный, чистый, с едва уловимым металлическим привкусом, тем же самым, что он почувствовал ещё во время падения. Громов сел, медленно, ожидая привычного сопротивления в пояснице, привычной вспышки боли при резком движении корпуса. Ничего этого не было. Спина слушалась так легко и свободно, как не было уже пятнадцать лет — без малейшего напряжения, словно никаких титановых вставок и долгих лет вынужденной компенсации движений никогда и не существовало.

Он опустил взгляд на собственные руки, те же руки, те же шрамы, но кожа выглядела свежее, чем должна была после трёх дней без движения. Мышцы отвечали на команду быстрее, чем он привык, — не намного, на грани заметности, но достаточно, чтобы разведчик в нём отметил разницу раньше, чем успел удивиться самому факту пробуждения. Затем поднял глаза и увидел зал.

Он был огромным, своды терялись где-то в вышине, среди переплетения конструкций, назначение которых Громов не мог определить с первого взгляда, но каждая деталь, каждая линия говорила об одном, - это не было создано руками человека. Стены отливали тем же

матовым металлическим блеском, что и порода в глубине шахты, но здесь блеск складывался в узоры, в панели, в поверхности, явно служившие функции, о которой оставалось только догадываться. Свет исходил отовсюду и ниоткуда одновременно — ровный, холодный, тот самый голубоватый оттенок, что он видел, падая в темноту.

Громов медленно обвёл взглядом пространство, отмечая одно за другим - капсулы, похожие на ту, из которой он только что поднялся, выстроенные рядами и уходящие куда-то в глубину зала. Тонкие световые линии бежали вдоль стен, напоминая вены. Методичное движение воздуха, совпадало с движением воздуха снаружи пещеры. Однако в этом месте явление уже не вызывало ощущения тайны, а воспринималось как закономерный элемент работающей системы...

Часть его, та часть, что пятнадцать лет анализировала обстановку прежде, чем реагировать, — уже начала считать: - количество капсул в поле зрения, примерная площадь зала, расстояние до ближайшей стены, наличие или отсутствие видимых выходов. Другая часть, та, что молчала пятнадцать лет, просто смотрела, не в силах немедленно уложить увиденное ни в одну знакомую категорию. Ни военный объект, ни лаборатория, ни что-либо, виденное им прежде на архивных снимках секретных исследовательских комплексов, — ничего из его опыта не подходило под то, что открывалось перед глазами.

Он не был испуган. Странно, но факт — где-то на месте паники сидела холодная, профессиональная сосредоточенность разведчика, оказавшегося на незнакомой территории и методично оценивающего обстановку прежде, чем поддаться любой эмоции. Возможно, подумал он мельком, испуг ещё придёт позже, когда разум перестанет быть занят одной лишь оценкой фактов. А возможно, пятнадцать лет тренировки действительно вытравили из него способность бояться неизвестности как таковой, оставив вместо неё только рабочий вопрос: что это, и как это влияет на его шансы выжить в ближайший час...

И тогда голос заговорил в третий раз - теперь не изнутри, а как будто отовсюду сразу, наполняя пространство зала с той же ровной, безошибочной ясностью...

- Добро пожаловать, -Носитель...

Глава 6. Архон

— Добро пожаловать, Носитель.

Слова повисли в воздухе зала, нарушив тишину. Громов не пошевелился. Он сидел на краю капсулы, ноги свешены вниз, и в первые секунды он попытался определить источник звука. Динамики он не увидел — ни в потолке, ни в стенах. Голос звучал отовсюду и из ниоткуда..

Профессиональная привычка сработала раньше эмоций. Вопросы паникующего человека - кто здесь, что происходит - он не задал. Громов вопросов такого рода не задавал уже пятнадцать лет.

— Идентифицируй себя, — сказал он вслух. Голос вышел чуть хриплым — было трудно говорить после трёх суток тишины, — но ровным, тем самым тоном, каким он раньше вёл допросы в условиях, когда любая слабость воспринималась собеседником как приглашение к игре.

Пауза. Не техническая заминка — Громов уже начинал различать разницу между молчанием системы, обрабатывающей запрос, и молчанием, в котором происходило что-то другое. Это было второе.

— Архон, — ответил голос наконец. — Автономный Распределённый Хранитель Операционного Наследия. Функция: управление базой, сохранение архивов, оценка Носителя.

— Носителя чего.

— Наследия Предтеч.

Громов кивнул сам себе, фиксируя факт для дальнейшего анализа. Он обвёл взглядом зал — капсулы рядами, световые линии вдоль стен, свод, терявшийся в вышине. Ситуация укладывалась в несколько известных ему сценариев — от секретной лаборатории с искусственным интеллектом до военной базы нового тысячелетия. Пока он склонялся к последнему.

— Где я, — спросил он.

— База Предтеч. Комплекс исследовательского и жилого назначения. Расположение: подповерхностный уровень, Северный Урал, глубина от точки входа — три тысячи двести метров по вертикали и горизонтали в совокупности.

Громов на мгновение замер. Три тысячи метров. Шахта на глаз была около метра диаметром и, по всем ощущениям, вела на глубину десятков, максимум сотни метров, — но никак не тысяч. Версия об искажённом восприятии при потере сознания была рабочей, но не объясняла, почему на такой глубине воздух оставался пригодным для дыхания. Громов отложил противоречие в сторону — не потому, что оно не имело значения, а потому что для его решения не хватало данных.

— Что это за место? — сказал он вместо того, чтобы озвучивать сомнение. — Не в общих словах. Конкретно.

— Комплекс создан расой, которую земные архивы не фиксируют. Внутреннее обозначение — Предтечи. Возраст комплекса: сорок семь тысяч лет, плюс-минус двести лет по методам датировки, доступным на момент последней калибровки.

Сорок семь тысяч. Громов проговорил цифру про себя ещё раз. Человеческая цивилизация в привычном смысле — города, письменность, государства — насчитывала едва ли десятую часть этого срока. Число переставало быть числом и становилось абстракцией, вроде расстояния до звёзд.

— Ты хочешь, чтобы я в это поверил а слово, — сказал он.

— Нет, — ответил Архон. — Я хочу, чтобы ты проверил. Вера непроверяемого — не то качество, которое Предтечи закладывали в критерии отбора.

Что-то в этой фразе зацепилось за внимание Громова сильнее самой цифры. Ответ был не оправданием и не попыткой убедить — он был согласием с сомнением собеседника, без нотки уязвлённого достоинства, которую Громов ожидал бы услышать даже от самой совершенной программы, запрограммированной изображать терпение.

— Критериях отбора, — повторил он. — Отбора кого.

— Носителя, — сказал Архон. — Существа, чей генетический профиль совместим с ключевыми системами базы в степени, достаточной для функционального взаимодействия. За время ожидания просканировано около четырнадцати тысяч человек, попадавших в радиус детекции комплекса. Твой профиль — девяносто четыре целых семь десятых процента совпадения. Максимальный за весь период наблюдения.

Громов молчал несколько секунд, взвешивая услышанное с той же методичностью, с какой раньше взвешивал донесения агентуры — не принимая на веру, но и не отбрасывая с порога только потому, что информация звучала невероятно.

— Совпадения с чем, — спросил он. — Ты сказал «генетический профиль». С чьим генотипом ты меня сравниваешь.

— С генотипом Предтеч, — ответил Архон. — Земляне — их биологические потомки. Деградирующая ветвь, разделённая с исходной популяцией значительным временным интервалом. Совпадение редко превышает шестьдесят процентов даже у наиболее близких кандидатов. Твой случай — статистическая аномалия.

Громов почувствовал, как за стеной внешнего спокойствия стали проступать тревожные мысли. Он не позволил этому чувству захватить себя и постарался сосредоточиться. Не сейчас. Сначала факты, потом — то, что с ними делать.

— Хорошо, — сказал он вслух, — предположим, я тебе верю насчёт возраста и генетики. Что произошло с моей спиной за то время, пока я был в капсуле?

— Полная регенерация повреждённых тканей поясничного отдела позвоночника, — ответил Архон без паузы, будто ждал именно этого вопроса. — Металлические импланты удалены и утилизированы в процессе. Дополнительно проведена оптимизация мышечной массы, ускорение нервной проводимости, полная санация от известных базисных патогенов. Побочный эффект регенеративного цикла — следствие используемой технологии, цели полностью вылечить организм — не было.

— Побочный эффект, — повторил Громов с той интонацией, за которой неизбежно чувствовалось утверждение, а не вопрос.

— Медицинские капсулы Предтеч не умеют лечить частично, — пояснил Архон. — Регенерация затрагивает весь организм в пределах допустимого биологического ресурса. Это и послужило толчком для полного восстановления.

Громов кивнул снова — признавая логику ответа, произошедшие перемены не были подарком судьбы, а честно называл следствием заложенной программы в медицинском оборудовании. Он опустил взгляд на собственные руки: кожа гладкая, без старых мозолей, но со шрамами на прежних местах — регенерация не стирала историю тела полностью, только восстанавливала то, что было повреждено.

— Сколько всего людей ты просканировал за сорок семь тысяч лет, — спросил он, — и почему я первый, кого разбудили.

— Не первый, — сказал Архон, и в этой короткой фразе Громову почудилось нечто похожее на паузу перед тяжёлым фактом — та самая интонация, которую он уже отметил раньше как нехарактерную для машины. — Регенерационные капсулы активировались для двух человек ранее, это произошло последние восемьсот лет действия комплекса в режиме минимального ожидания. Оба профиля были ниже пятидесяти пяти процентов совпадения. Оба не выдержали интеграции с нейросистемами базы на этапе, следующем за физической регенерацией.

Тишина, повисшая после этих слов, содержала больше, чем если бы Архон попробовал еще раз объяснить.

— Что с ними стало, — спросил он всё же, потому что информация оставалась информацией, вне зависимости от того, какие чувства она вызывала.

— Летальный исход, — ответил Архон. — Нейроинтерфейс базы требует определённого порога генетической совместимости для безопасной интеграции. Ниже этого порога попытка подключения разрушает нервную систему носителя. Оба случая произошли до моего вмешательства — предохранительные протоколы были обновлены после второго инцидента. Твой профиль превышает необходимый порог с существенным запасом.

Громов выслушал это спокойно, не позволяя лицу отразить ничего, кроме внимания. Двое умерли. Он остался жив не потому, что был осторожнее их, а потому что случайность его генетики оказалась статистически более удачной. Мысль не радовала и не пугала — она просто ложилась в общую картину рядом с остальными фактами.

— Ты сказал «интеграция с нейросистемами», — произнёс он после паузы. — Она уже произошла? Со мной?

— Частично, — ответил Архон. — Базовый уровень установлен в процессе регенерации — совместим с системами мониторинга состояния и первичной коммуникации, той, что происходит сейчас. Более глубокие уровни доступа требуют осознанного согласия Носителя и дополнительного времени адаптации.

— Осознанного согласия, — повторил Громов. — То есть у меня есть выбор.

— Всегда, — сказал Архон. — Принуждение противоречит протоколу отбора. Предтечи создавали базу как завещание, а не как ловушку.

Громов молчал, взвешивая формулировку. «Завещание, а не ловушка» звучало как заготовка, отрепетированная за столетия ожидания, — и всё же в ней не было ничего похожего на манипуляцию продавца. Скорее усталая честность существа, слишком долго объяснявшего одно и то же самому себе в отсутствие собеседника.

Он спустился с капсулы, впервые за разговор встав на ноги в полный рост, и почувствовал, как тело держит вес спокойно, без привычного сопротивления в пояснице. Ощущение было настолько чужим, что на секунду показалось неправильным — будто он донашивал чужое тело.

— Покажи мне базу, — сказал он. — То, что доступно.

— Следуй за освещением, — ответил Архон, и в тот же момент одна из световых линий вдоль стены зала сменила оттенок с холодного голубого на тёплый янтарный, прочертив дорожку в сторону арочного прохода в дальнем конце помещения, которого Громов раньше не заметил среди рядов капсул.

Он двинулся вдоль линии, отмечая детали: капсулы, мимо которых проходил, были в большинстве пустыми, крышки подняты, но три или четыре оставались закрытыми, тёмными, без слабого внутреннего свечения рабочих механизмов. Он остановился у одной из них на секунду дольше положенного.

— Эти не работают, — сказал он, не столько спрашивая, сколько констатируя.

— Законсервированы, — поправил Архон. — Энергетический баланс базы недостаточен для одновременной работы всех систем. Приоритет отдан жизнеобеспечению и медицинскому блоку. Остальное — в режиме минимального потребления либо полностью отключено.

— Насколько недостаточен.

— Текущий уровень энергобаланса — четыре процента от проектной мощности комплекса.

Громов остановился, обдумывая услышанное. Четыре процента прозвучало как приговор, система работает на износ, она на грани отказа. И всё же зал светился, воздух двигался,

капсула вернула его к жизни за три дня - всего четыре процента произвели эффект, недоступный земным технологиям.

— Что здесь было при полной мощности, спросил он.

— Больше, чем ты можешь оценить сейчас, ответил Архон, и в этой фразе прозвучало то, что Громов определил как сдержанность, Архон не отказался отвечать, он решил приберечь ответ до момента, когда он будет иметь смысл.

Проход впереди вывел в короткий коридор - голые металлические стены, без узоров, встречавшихся в шахте. Через два десятка шагов коридор упёрся в развилку - три двери по дуге, каждая помечена символом, значения которого Громов определить не мог: это было нечто геометрическое строгое и непривычно оформленное, как рисунки на стенах пещер прошлого века.

— Медицинский блок, сказал Архон, и одна из дверей, левая, отозвалась мягким свечением контура. Частично активен. Сорок процентов функциональности.

— Остальные две? - спросил Громов, глядя на двери, оставшиеся тёмными.

— Исследовательский блок, ответил Архон, отмечая среднюю дверь, шестьдесят процентов, доступ ограничен протоколом. Производственный блок, третья дверь, пятнадцать процентов, законсервирован.

— Ограничен каким протоколом?

Пауза длилась дольше предыдущих, это была не заминка, это было то, что Громов уже начинал распознавать как черту собеседника - Архон медлил перед ответами, которые сам считал важными.

— Протокол «Молчание», сказал он наконец. Часть архивов заблокирована до выполнения определённых условий. Информация об этих условиях также ограничена на текущем уровне доступа.

— Ты не можешь мне сказать, что это за условия, уточнил Громов?

— Не на данном этапе, ответил Архон, и в этих словах Громову впервые почудилось нечто, напоминающее сожаление. Было странно наблюдать от Архона что-то похожее на проявление чувств, это только программа, исполняющая свои прямые функции, заложенные в базу данных.

Он молчал, оценивая ситуацию. Собеседник открывает информацию в границах дозволенного, не больше, чем нужно знать в данный момент. Разведчик в нём отметил этот факт без раздражения. Ограниченный доступ к информации был нормой его прежней профессии, это происходило куда чаще, чем полная открытость.

— Хорошо, сказал он. Тогда покажи мне медблок, раз уж он открыт.

Дверь, отмеченная свечением, разошлась в стороны бесшумно, и Громов шагнул внутрь помещения, напоминавшего одновременно операционную и лабораторию - изогнутые поверхности вместо прямых углов, приборы без кнопок или экранов, только гладкие панели, реагирующие на прикосновение мягким свечением.

Он прошёлся вдоль ряда столов, каждый из которых напоминал ту капсулу, в которой он очнулся, только меньшего размера, очевидно, предназначенных для менее масштабных процедур. Часть оборудования была затянута тонким слоем пыли, осевшей за столетия бездействия, часть выглядела так, будто её использовали вчера.

— Сколько времени прошло с последнего использования этого помещения до моего появления, спросил он?

— Восемьсот три года, ответил Архон - с момента атаки Кворума и последующей консервации базы.

— Кто это, спросил Громов.

— Информация будет предоставлена позже. Не стоит перегружать тебя большим объемом информации, загружать лишние знания сейчас бессмысленно.

Громов вспомнил, как в годы службы старался не перегружать новичков, постепенно учил их действовать по обстановке, защищая их и предупреждая каждое неверное движение.

— Ты рассуждаешь как человек, с удивлением проговорил Громов.

— Это логические объяснения, соответствие программе, в которой для меня существуют непреложные истины.

Ответ был четким и ясным. Архон не пытался понравиться, он был тем, кем и являлся на самом деле, и это в какой то степени давало понимание того, что он не пытается манипулировать и воздействовать иными способами.

Он прошёл дальше, к дальней стене, где помещение заканчивалось широкой поверхностью, отличавшейся от остальных стен базы, слегка вогнутой, будто предназначенной для отображения чего-то.

— Что это, спросил он, останавливаясь перед ней.

— Обзорный экран, ответил Архон. Один из немногих активных на текущем энергобалансе.

Громов долго смотрел на тёмную поверхность. Часть его ,та, что пятнадцать лет требовала подтверждений прежде, чем поверить в донесение, нуждалась в проверке, которую невозможно было получить словами.

— Хочу тебя проверить, сказал он вслух, без обиняков, глядя в пространство перед собой, туда, где, по его ощущениям, находился источник голоса, даже не имея физической формы. Слова я слышал разные и от разных людей, включая тех, кто врал профессионально и убедительно. Покажи мне что-то, что докажет, что ты не галлюцинация постравматического мозга и не элемент допроса.

Пауза, следовавшая за этим требованием, отличалась от всех предыдущих, Архон не нуждался в обдумывании, а скорее давал Громову момент осознать масштаб того, что последует.

— Понимаю необходимость проверки, сказал Архон - демонстрирую.

Вогнутая поверхность стены дрогнула едва заметной рябью и в следующее мгновение вспыхнула светом , и вскоре появилось окно, за которым внезапно открылось пространство.

Черноту космоса Громов узнал сразу - по глубине, которую ни один земной экран не мог передать: создавалось ощущение отсутствия черного цвета, небо, усеянное точками звёзд, они не мерцали, как из атмосферы, а были ровными и неподвижными.

А в центре этой черноты, медленно поворачиваясь, висела Земля.

Голубой шар с белыми росчерками облаков, с зелёно-бурыми контурами континентов, Громов узнал очертания Евразии почти мгновенно. Планета висела в кадре так, как будто её показывают с орбиты . Огромный физический объект, огромный, живой, вращающийся с медлительностью, которую невозможно было подделать.

Громов стоял неподвижно, глядя на изображение. Он думал и оценивал чуть дольше, чем требовалось для простой оценки. Часть его, привычная искать швы в любой фальсификации, не находила ничего. Облака двигались с той хаотичной неровностью, которую трудно симитировать графикой. Терминатор , линия дня и ночи, полз по поверхности с точностью, соответствующей реальному вращению.

— Откуда это изображение, спросил он наконец, не отрывая взгляда от экрана.

— Прямая трансляция с орбитального ретранслятора сети Предтеч, ответил Архон. Обновление в реальном времени, с задержкой менее секунды на прохождение сигнала.

— Докажи, что это реальное время, а не запись.

— Наблюдай терминатор в течение трёх минут, сказал Архон. Скорость движения соответствует текущему периоду вращения планеты. Запись такой длительности была бы лишней для демонстрации фальшивки - злоумышленник использовал бы статичный кадр, не заботясь

о точности вращения, поскольку у него не было бы причины ожидать проверки именно этим методом.

Логическое объяснение было безупречным, именно поэтому ретрансляция планеты подействовала на Громова сильнее любой клятвы. Он остался стоять, отсчитывая минуты по внутренним часам, тем же способом, каким считал секунды между звуками в ночи у входа в пещеру, и терминатор действительно сместился ровно настолько, насколько должен был.

Что-то внутри него, остававшееся на границе профессионального скептицизма, сдвинулось окончательно к признанию факта, который больше нельзя было списать на галлюцинацию или травму мозга. Он стоял в трёх тысячах метров под поверхностью Урала, разговаривая с искусственным разумом, который показывал ему родную планету с орбиты, и это было реальностью!

— Хорошо, сказал он тихо, обращаясь скорее к себе, чем к собеседнику. Допустим, я тебе верю.

— Это разумное решение, ответил Архон, и в этой фразе Громову впервые послышалось нечто похожее на облегчение. Он ощущал присутствие, что ждало его в темноте все три дня регенерации.

Он ещё раз посмотрел на голубой шар, медленно поворачивающийся в черноте за вогнутой стеной, и впервые с момента пробуждения задумался о том, что случится дальше, и о том, что дом, оставленный им ради двухнедельной вылазки в пещеру, теперь выглядел на этом экране объектом наблюдения чужой системы, ожидавшей его появления сорок семь тысяч лет.

Глава 7. Инвентаризация

Первые минуты после того, как отзвучало «Добро пожаловать, Носитель», Громов потратил не на вопросы, а на то, чтобы взять себя в руки — методично, без спешки, тем же способом, каким приводил себя в рабочее состояние перед выходом на связь после долгого молчания в поле. Эмоции подождут. Сначала обстановка.

Он стоял посреди зала регенерации, обводя взглядом ряды капсул, и чувствовал, как знакомая структура возвращается в голову сама собой, без усилия, структура, которую пятнадцать лет вбивали в него до автоматизма. Что есть, что работает, что нужно. В какой последовательности спрашивать, чтобы не упустить главное за деталями.

— Архон, — сказал он вслух, и голос звучал ровнее, чем несколько минут назад, мне нужна полная картина. Не выборочно, не по важности, которую ты сам определяешь. Все, -что доступно на текущем уровне моего допуска.

— Понимаю задачу, — ответил голос, наполнивший пространство с той же ровной ясностью. — Инвентаризация функциональных блоков базы. Рекомендую последовательный обход — так информация закрепится нагляднее, чем в виде перечня.

— Годится, — сказал Громов. — Начинай.

Он достал блокнот из разгрузки — тот самый, бумажный, привычка из тех лет, когда электронные записи оставляли следы, — и понял, что не имеет ни малейшего представления, чем будет писать: ручки не было, и где она - он не помнил, возможно выпала при падении. Коротко усмехнувшись, -убрал блокнот и приготовился запоминать информацию... Придётся держать инвентаризацию в голове — тоже привычно, тоже отработано на дежурствах, где записывать было нельзя вовсе.

— Медицинский блок ты уже видел, — сказал Архон, и одна из световых линий на полу зала засветилась мягким янтарным светом, прочерчивая маршрут в сторону знакомого прохода. Функциональность — сорок процентов. Активны диагностика, регенерационные капсулы первого и второго класса, банк генетических данных. Неактивны: хирургический модуль глубокого вмешательства, синтез фармакологических составов сложного профиля, лаборатория тканевой инженерии.

— Сорок процентов от чего именно, — спросил Громов, идя следом за световой дорожкой. — От проектной мощности блока или от количества функций?

— От совокупной мощности, доступной блоку при текущем энергобалансе базы, — ответил Архон.

— Разница существенна. Блок способен выполнять полный перечень функций технически, но не одновременно и не на пиковой производительности. Приоритет распределения мощности внутри блока определяется медицинским протоколом, -а не мной напрямую.

Громов кивнул, отмечая ответ как честный, -не сорок процентов и точка, а объяснение механизма, стоящего за цифрой.

Он начинал всё больше ценить эту черту собеседника: Архон никогда не упрощал ответы до удобных чисел, если изза этого терялась существенная часть картины.

Они прошли мимо ряда капсул — Громов насчитал их походя, машинально, восемнадцать в этом ряду, ещё три ряда терялись в глубине зала — и вышли через боковой проход, которого Громов раньше не заметил, в короткий коридор, ведущий, судя по направлению, в сторону, противоположную от медблока.

— Жилой блок, — сказал Архон, когда коридор вывел их к массивной двери, отличавшейся от остальных: не гладкая панель, а нечто похожее на многослойную мембрану, разошедшуюся в стороны при их приближении без единого звука.

— Целостность конструкции — сто процентов. Функциональность систем жизнеобеспечения — эксплуатационная готовность подтверждена, но не активирована ввиду отсутствия необходимости.

Громов шагнул внутрь и остановился.

Помещение — если это можно было назвать одним словом, потому что пространство уходило вдаль настолько, что дальняя граница терялась в полумраке, — напоминало город больше, чем жилой блок в человеческом понимании.

Ряды дверных проёмов вдоль стен, уходящих на несколько уровней вверх, соединённых открытыми галереями без видимых лестниц, широкие площадки, назначение которых угадывалось смутно, — то ли общественные зоны, то ли что-то вроде садов, судя по углублениям в полу, заполненным пылью там, где когда-то, возможно, была почва...

Повсюду лежала пыль, — но не та, что оседает за годы небрежного ухода, а плотный, многовековой слой, характерный для мест, куда люди не заходили очень и очень давно...

Громов провёл пальцем по ближайшей поверхности — панели у входа в один из проёмов — и на пальце остался серый след толщиной с волос.

— Рассчитан на сколько человек, — спросил он, не отрывая взгляда от уходящих вдаль рядов.

— На пятьсот разумных существ единовременного проживания, — ответил Архон. — Число варьируется в зависимости от видовых потребностей — цифра указана для среднего антропоморфного профиля.

Пятьсот. Громов постоял секунду, позволяя себе один — единственный момент не аналитика, а просто человека, осознающего масштаб пустоты вокруг. Помещение, рассчитанное на пятьсот жителей, восемьсот лет простоявшее без единого из них, — и сейчас единственным его обитателем был он сам.

— Сколько человек здесь жило при полной мощности, — спросил он.

— Данные о численности исторического персонала базы относятся к архивам, ограниченным протоколом «Молчание», — ответил Архон после паузы, которую Громов уже научился распознавать.

— Могу подтвердить: жилой блок использовался не менее чем на восемьдесят процентов вместимости — в последний зафиксированный период активности до атаки Кворума.

Восемьдесят процентов от пятисот. Четыреста человек, или существ, поправил он себя, здесь, где сейчас гулял только звук его собственных шагов...

Он решил не озвучивать эту мысль. Он мысленно отложил в памяти эту информацию и двинулся дальше...

— Исследовательский блок, — сказал он. — Ты упоминал его вчера. Шестьдесят процентов, ограниченный доступ.

— Верно, — подтвердил Архон, и световая дорожка на полу сменила направление, уводя их из жилого блока обратно в служебные коридоры.

— Функциональность подтверждена на уровне лабораторного оборудования общего профиля и части архивных хранилищ.

Протокол «Молчание» ограничивает доступ к специфическим разделам — истории Предтеч после определённой временной отметки, технологиям, классифицированным как критические, и информации о Кворуме сверх базового уровня.

— Кто устанавливал протокол? — спросил Громов. — Ты сам или кто-то до тебя?

— Протокол заложен Создателями при проектировании базы, — ответил Архон. — Условия снятия ограничений зафиксированы в базовом коде и не подлежат изменению с моей стороны. Я исполняю протокол, а не формирую его.

Громов отметил формулировку, исполняя, как еще одну деталь, складывающуюся в общий портрет собеседника... Система жестко привязана к правилам, так же, как и он в свое время был привязан к уставу.

Проход вывел их к широкому помещению с рядами столов, часть которых была затянута тем же многовековым слоем пыли, что и жилой блок, часть — явно использовалась недавно, судя по отсутствию налёта на панелях управления. Громов прошёлся вдоль столов, отмечая приборы без единой узнаваемой детали — ни экранов в привычном смысле, ни кнопок, только гладкие поверхности, реагирующие на прикосновение мягким свечением там, где он проводил рукой.

Вдоль дальней стены тянулись ряды более крупных конструкций — то ли шкафы, то ли стеллажи, покрытые той же гладкой обшивкой, что и стены базы, с редкими вкраплениями тусклого свечения там, где, судя по всему, хранилась активная часть архива. Громов насчитал не меньше сотни таких секций, уходящих вдоль стены дальше, чем позволял видеть приглушённый свет зала.

— Это архив, — сказал он, не столько спрашивая, сколько констатируя.

— Часть архива, — уточнил Архон.

— Полный объём данных, накопленных за время существования базы, превышает то, что физически размещено в данном помещении. Здесь хранится оперативная часть — материалы, к которым обращались чаще прочих в период последней активности до консервации.

— Это то, чем ты пользовался, готовя медблок к моему появлению, — сказал Громов.

— Часть систем данного блока действительно задействована в диагностике и мониторинге состояния — Остальное оборудование неактивно либо работает в фоновом режиме сбора данных, не требующих постоянного участия Носителя, — ответил Архон.

Они прошли дальше, туда, где помещение сужалось в проход, ведущий, судя по всему, к следующему блоку. Громов остановился на пороге.

— Портальный зал, — сказал Архон, и в этот раз в голосе не было привычной ровности анонса — что-то похожее на осторожность, с какой сапёр объявляет о заряде, который пока держит статус неопределённого.

Помещение за проходом оказалось тёмным почти полностью — не той приглушённой темнотой, что царила в жилом блоке, а настоящей, плотной, разбавленной лишь одной точкой света где-то в дальнем конце: панель на стене, мигающая ровным пульсом раз в несколько секунд, будто сигнал маяка, который никто не должен был увидеть.

Громов прошёл внутрь, и по мере продвижения глаза начали различать очертания в темноте: три массивные арки, вырастающие из пола на высоту нескольких метров, расставленные по кругу вокруг центральной точки помещения. Две из них были мертвы полностью — ни намёка на свечение, ни следа активности. Третья слабо отзывалась той же янтарной подсветкой, что вела Громова по коридорам, но приглушённой, едва заметной, будто система экономил каждую крупницу энергии, которую могла себе позволить потратить.

— Функциональность двенадцать процентов, — сказал Архон, прежде чем Громов успел спросить.

— Одна арка из трёх сохраняет активное сопряжение с известной точкой назначения. Две другие законсервированы ввиду отсутствия достаточной мощности, это нужно для поддержания стабильного канала.

— Куда ведёт активная? — спросил Громов, глядя на слабое свечение третьей арки.

— На поверхность, — ответил Архон.

— Точка выхода — в семистах метрах от места твоего проникновения в систему, замаскированная под естественное скальное образование.

С той же скрупулёзностью, с какой он перепроверял сомнительные донесения, Громов замер и вдумчиво осмыслил услышанное. Портал. Не аллегория, не метафора неизвестной

технологии, -прямой, буквальный переход между двумя точками пространства, минующий три тысячи метров породы, которые он с таким трудом преодолевал последние два дня.

— То есть я могу выйти отсюда прямо сейчас, — сказал он, не как вопрос, а как проверку формулировки.

— Технически да, — ответил Архон.

— Практически — активация портала для человека, не прошедшего полную адаптацию к базовым системам, сопряжена с рисками, которые я обязан озвучить до принятия тобой решения. Но да. Физически проход возможен.

Громов молчал несколько секунд, глядя на слабо мерцающую арку. Мысль о том, что путь наружу существовал всё это время, пока он методично изучал залы и коридоры, могла бы вызвать раздражение у человека менее дисциплинированного. У него она вызвала только уважение к масштабу того, что здесь скрывалось, -технология, делавшая тривиальным то, что для него было двухдневным испытанием на прочность...

— Дальше, — сказал он вместо комментария. — Что ещё.

Производственный блок, — ответил Архон, и световая линия на полу вновь сдвинулась, уводя их прочь от тёмных арок.

— Пятнадцать процентов, преимущественно законсервирован. Нанофабрикаторы и синтезаторы материалов переведены в резервный режим. Активация устройств невозможна из-за недостаточного энергетического баланса.

Дверь блока не открылась при их приближении, оставшись тёмной панелью среди остальных, и Громов не стал настаивать. Дверь была заперта, и отсутствие энергии за ней не требовало пояснений — всё было ясно и без слов.

— И последнее, — сказал Архон, — Оборонный блок. Заблокирован протоколом.

— Каким протоколом на этот раз, — спросил Громов. — Тоже «Молчание»?

— Отдельным, — ответил Архон, и пауза перед этим словом длилась дольше обычного. — Протокол активации оборонных систем требует подтверждения статуса Носителя на уровне, превышающем текущий. Пройденная базовая интеграция не соответствует установленным условиям... Ограничение введено с целью предотвращения случайной либо недобровольной активации боевых систем субъектом, чья лояльность и намерения не подтверждены достаточным периодом и опытом взаимодействия.

Громов принял объяснение спокойно, без возражений. В этом была та же логика, которой руководствовался бы он сам на месте создателей подобной системы: сорок семь дронов и двенадцать орудийных башен, доступных первому встречному с подходящим генетическим профилем, — рецепт катастрофы, а не защиты.

— Разумно, — сказал он вслух.

— Согласен, — ответил Архон, и в этом коротком слове Громову послышалось что-то похожее на облегчение, как будто собеседник ожидал иной реакции и был рад её не получить...

Они вернулись в зал регенерации тем же путём, каким пришли, и Громов остановился посреди помещения, мысленно раскладывая услышанное по полочкам — привычным способом, каким раскладывал любое донесение перед докладом начальству, только сейчас начальства не было, и доклад он готовил только для себя самого.

Медицинский — сорок процентов, рабочий, критичный для его собственного выживания. Жилой — цел полностью, но пуст и бесполезен при нынешних задачах. Исследовательский — шестьдесят процентов, частично заблокирован протоколом, источник знаний, если найти способ снять ограничения. Портальный — двенадцать процентов, но с рабочим выходом на поверхность, а значит — с прямой связью с внешним миром, которую он до этой минуты считал недоступной. Производственный — заперт без энергии. Оборонный — заблокирован осознанно, до его собственного роста в статусе.

Общая картина складывалась в один и тот же вывод, к которому Громов приходил в дюжине прежних операций: всё упиралось в ресурс. Не в информацию, не в доступ, не в намерения — в грубую, измеримую величину энергии, которой не хватало ни на что, кроме поддержания минимального цикла жизни.

Он мысленно свёл всё в короткую сводку — привычная форма, в которой раньше докладывал начальству итог разведывочного, только теперь адресатом был он сам. Актив: рабочая медицина, крыша над головой на пятьсот тел, портал на поверхность, часть архива. Пассив: почти полное отсутствие энергии, заблокированная оборона, законсервированное производство, протоколы, ограничивающие доступ к самому интересному. Вывод анализа: отсутствие энергии превращает любые ресурсы и возможности в нереализуемый потенциал.

— Архон, — сказал он, — задам вопрос стратегического уровня. Что важнее сейчас — нарастить энергию базы или восстановить полноценную связь с поверхностью?

Пауза перед ответом длилась дольше, чем обычно длились паузы Архона перед фактическими данными, та особая тишина, которую Громов уже научился отличать от технической задержки. Из этого следовало, что вопрос выходил за рамки простого подсчёта, он требовал осмысленной оценки.

— Оба направления взаимосвязаны, — сказал Архон наконец.

— Энергия определяет возможности. Связь с поверхностью определяет твой доступ к ресурсам, недоступным базе изнутри. Приоритет зависит от горизонта планирования, который ты выбираешь.

— Дай мне рекомендацию, — сказал Громов. — Не уклоняйся за нейтральностью.

— Энергия, — ответил Архон без колебаний на этот раз.

— Без достаточного энергобаланса связь с поверхностью останется технической возможностью без практического применения, портал сможет открываться, но большая часть остальных систем базы продолжит деградировать в законсервированном состоянии. Энергия — фундамент, на котором строится всё остальное.

Громов утвердительно кивнул. Рассуждения собеседника совпадали с его собственной оценкой ситуации, сформировавшейся заранее. Обнадёживало то, что их системы приоритетов в значительной степени совпадали. За пятнадцать лет он привык относиться с подозрением к союзникам, которые слишком быстро соглашались с любым его тезисом. Архон не соглашался — он приходил к тем же выводам параллельно, своим путём, и это внушало больше доверия, чем любое соглашательство.

— Значит, начинаем с энергии, — сказал он. — Что нужно.

— Минимальный термоядерный реактор блока Б, — ответил Архон. — Законсервирован, но не повреждён. Запуск возможен при выполнении определённых условий, которые я готов детализировать. Однако прежде, чем мы перейдём к этому вопросу, — Носитель, есть третий приоритет, о котором ты не спросил.

Громов насторожился — не внешне, годы тренировки не позволяли проявлять реакцию раньше, чем она была нужна, но внутри что-то мгновенно перестроилось в режим повышенного внимания.

— Какой, — спросил он.

Пауза Архона в этот раз была короче всех предыдущих — будто ответ был готов заранее, и единственной причиной задержки было решение, стоит ли произносить его немедленно или дать Носителю время закончить с менее срочными вопросами.

— Есть третий приоритет, Носитель, — сказал Архон. — Вас ищут.

Глава 8. Поиски

День первый.

Вертолёт МЧС завис над курумником в восемь утра, подняв тучу пыли и мелкой щебёнки, и Марина прикрыла глаза рукой, наблюдая, как из открывшейся двери один за другим спускаются спасатели в оранжевых комбинезонах. Она стояла чуть в стороне от площадки — её сюда никто официально не звал, но координатор поисковой операции, немолодой мужчина по фамилии Хабаров, узнав, что в семнадцати километрах восточнее работает геологическая экспедиция с опытными спелеологами, запросил помощь по рации ещё вчера вечером. Ковригин отпустил её без возражений — второй раз за экспедицию её упрямство было полезнее, хотя немного и раздражало.

Она успела за ночь собрать минимальный комплект — обвязку, фонарь, анемометр и термощуп, блокнот, — и добраться до места на попутном уазике геологической службы, который знакомый инспектор гонял по этому участку раз в неделю. Дорога заняла три часа по разбитому грунтовому серпантину, и Марина провела их, глядя в окно и мысленно прокручивая то немного, что ей успели передать по рации: спелеолог-одиночка, координаты приблизительные, срок контрольного выхода на связь пропущен.

— Соколова, — представилась она подошедшему Хабарову, протягивая руку. — Геолог, аспирант Горного института. Хожу этими пещерами третий год.

— Хабаров, старший группы. — Рукопожатие было коротким, деловым.

Хорошо, что вы здесь. У нас пропавший спелеолог-одиночка, координаты регистрации — общий квадрат, без точной точки входа. Заявленный маршрут непонятен, а сам объект зарегистрировался в МЧС только по общему району, что уже осложняет дело.

— Как давно пропал?

— По контрольному сроку - вчера утром. Фактически неизвестно, когда именно он вошёл в систему. Хабаров сверился с планшетом...

— Громов Алексей Викторович, тридцать пять лет, отставной полковник, спелеолог-одиночка, ходит без сопровождения регулярно. Родственников, готовых подтвердить маршрут, нет.

Марина кивнула, запоминая имя без особых эмоций — работа поисковика приучала не привязываться к именам раньше, чем появится результат, — и присоединилась к группе, движущейся вверх по склону к обозначенной на карте точке.

Лагерь обнаружился быстро - палатка на скальном карнизе, аккуратно свёрнутая, растяжки натянуты симметрично, вход развёрнут в сторону лучшего обзора на подход. Марина отметила это машинально, ещё до того, как поняла, что именно отметила - слишком аккуратно для лагеря человека, ушедшего под землю в спешке или испытывавшего проблемы. Это был лагерь человека, который знал, что делает, и планирует вернуться.

Спасатели разошлись по периметру, кто-то фотографировал, кто-то опрашивал координаты по рации в штаб. Марина подошла к самому краю расщелины — узкой щели в скальном массиве, заросшей по краям карликовой берёзой, — и остановилась, разглядывая снаряжение, разложенное рядом со входом.

Оно было разложено. Не разбросано, не свалено кучей перед спешным спуском — разложено по системе, понятной только тому, кто раскладывал: слева моток резервной верёвки, аккуратно смотанный, справа — распечатки координат, прижатые камнем от ветра, в центре — блокнот, закрытый, с карандашом, вложенным между страниц как закладка.

Она присела на корточки рядом, разглядывая детали, которые группа спасателей уже сфотографировала и, судя по темпу их работы, готовилась забыть до следующего похожего вызова. Три источника света — основной и два резервных — лежали рядом с обвязкой, все

три проверены, судя по положению переключателей, все три заряжены. Аптечка расстёгнута наполовину, будто кто-то доставал что-то и не успел закрыть, — единственная деталь, которая хоть немного нарушала общую картину методичности.

— Смотрите на это, — сказала она вслух, обращаясь к ближайшему спасателю, невысокому парню с позывным «Сокол», судя по нашивке. — Это не похоже на человека, который сорвался в панике или потерял ориентацию.

— Что вы имеете в виду? — Сокол подошёл ближе, глядя туда же, куда смотрела она.

— Снаряжение разложено методично. Если бы он готовился к обычному разведочному спуску, я бы понимала - человек оставляет резерв наверху, спускается налегке, это стандартная практика. Но смотрите на блокнот.

— Она присела на корточки, не трогая находку, только указывая.

Карандаш лежал внутри как закладка, блокнот был закрыт. Это говорило о том, что человек не убегал и не находился в состоянии паники.

— И что это меняет, спросил Сокол без особого интереса, явно торопясь закончить осмотр.

— Это ставит под сомнение официальную версию о том, что человек сорвался, потерял ориентацию и погиб от переохлаждения: картина на месте происшествия ей не соответствует.

— Марина выпрямилась и отряхнула колени...

— Человек, который так методично готовится, не совершает азбучных ошибок при спуске.

Дни второй и третий прошли в том же ритме, в каком проходит любая операция, растянутая по регламенту дольше, чем позволяет надежда, но короче, чем требует настоящая тщательность.

Хабаров, выслушав повтор её наблюдения на второе утро, отреагировал с той степенью внимания, которую опытные руководители операций уделяют деталям, не влияющим на итоговый протокол.

— Соколова, я ценю профессиональный взгляд, — сказал он, — но у нас регламент. Одиночный спелеолог, известная по региону система с историей несчастных случаев, обрыв основной верёвки — мы нашли обрывок в точке крепления наверху, кстати, ваше наблюдение о методичности мы зафиксируем в отчёте, но это не меняет протокол поиска.

— Вы спускались внутрь? — спросила она.

— Группа спустилась на доступную глубину — порядка семидесяти метров через основные залы. Дальше система сужается в шахту, которая на нашем оборудовании технически проходима, но требует специализированного спелеоснаряжения и времени, которого у нас три дня по регламенту.

То есть вы не были там, где он на самом деле упал.

Хабаров посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал вежливый разговор, — не раздражённо, но с той усталостью человека, для которого подобные разговоры случались в каждой третьей операции.

— Соколова, у меня семнадцать человек, вертолёт, который стоит бюджету дороже, чем весь институт геологии за квартал, и три дня официального окна поиска. Если тело не найдено на доступной глубине и нет прямых признаков, что человек жив, дело переходит в статус «несчастный случай, поиски прекращены».

— Можно взглянуть на верёвку, — спросила она, — ту, что нашли в точке крепления?

Хабаров кивнул одному из спасателей, и тот принёс пакет с уликой — короткий обрывок, обрезанный аккуратно с двух сторон для образца. Марина повертела его в руках, разглядывая срез на просвет.

— Это не потёртость, — сказала она наконец. — Волокна не расслоены постепенно, как бывает при усталости материала. Разрыв в одной точке, края почти ровные. Повреждение

могло появиться либо изза заводского брака в партии, но это маловероятно для сертифицированного снаряжения такого высокого класса, либо в результате контакта с чемто острым, когда на материал приходилась нагрузка.

— Мы учтём это в отчёте, — повторил Хабаров тем же тоном, каким произносил уже привычные формулировки, и Марина поняла, что дальше спорить бессмысленно: наблюдение зафиксируют, но выводов из него делать никто не станет, потому что регламент не предусматривал графы для «версия, требующая дальнейшего расследования сверх бюджета операции».

Она провела эти два дня, помогая группе там, где могла быть полезна, — читала породу, оценивала риски новых спусков, дважды сама спускалась в связке с одним из спасателей до предела разумной глубины. Шахта, о которой говорил Хабаров, обнаружилась на глубине около сорока метров от последнего доступного зала — узкий вертикальный колодец с обрывком верёвки в точке крепления наверху, уходящий в темноту, которую ни один фонарь группы не пробивал до дна.

На второй день она попросила разрешения спуститься к самому краю шахты лично, без сопровождения группы, — формальность, на которую Хабаров согласился неохотно, но не смог найти веского повода отказать опытному специалисту. Она провисела над колодцем почти час, разглядывая стенки в свете фонаря, отмечая то же самое, что заметила бы любая внимательная спелеологиня: странно ровные участки породы, будто отшлифованные, чередующиеся с обычным известняком. Списала на игру света и усталость глаз после долгого дня — тогда у неё ещё не было повода думать иначе.

День четвёртый начался с того, что вертолёт не прилетел.

Вместо него к обеду на склон поднялся Ковригин — сам, пешком, в сопровождении одного из практикантов, и по его лицу Марина ещё издали поняла, зачем он пришёл лично, а не вызвал её по рации.

— Хабаров звонил в штаб экспедиции, — сказал он без предисловий, останавливаясь рядом с ней у палатки. — Официальные поиски закрыты сегодня утром. Формулировка — несчастный случай, тело не обнаружено на доступной глубине, вероятность выживания статистически минимальна.

— Я знаю, — сказала Марина. Она видела, как вертолёт Хабарова поднялся ещё на рассвете, забрав большую часть группы, и не стала спрашивать, куда он делся, — ответ был очевиден.

— Марина. — Ковригин произнёс её имя тем тоном, каким обычно предварял решение, не подлежащее обсуждению. — Его нет. Ты провела здесь четыре дня и оказала всю возможную помощь, но у нас есть план по обследованию оставшихся точек. Вертолёт, который оплачивает институт, не должен простаивать изза задержки на этом участке. Нужно ехать.

Она посмотрела на него — не с вызовом, а с тем спокойным несогласием, которое он уже видел от неё десятки раз за три года совместной работы и которое давно перестало его удивлять, хотя и не перестало раздражать.

— Езжайте, — сказала она.

Ковригин моргнул, явно ожидавший более длинного разговора.

— Соколова, это не предложение. У нас смета, у нас маршрут, у нас...

— Я не прошу институт ничего оплачивать, — прервала она его, спокойно, без нажима, тем тоном, который она приберегала для моментов, когда была полностью уверена в собственной правоте и не видела смысла тратить силы на убеждение. — Возьмите практикантов, закройте оставшиеся точки без меня. Я догоню группу позже или закрою эту часть маршрута сама и вернусь в институт своим ходом. У меня отпуск не кончился, и я не государственный ресурс, которым можно распоряжаться по расписанию вертолёта.

— Здесь, — Ковригин обвёл рукой пустеющий склон, тон которым он произнёс это слово, был ближе к недоумению, чем к злости, — практически ничего нет. Пропавший человек, веро-

ятно мёртвый, и дыра в земле, которую уже осмотрели профессионалы. Что ты рассчитываешь найти, чего не нашли семнадцать спасателей с оборудованием?

— Не знаю, — сказала она честно. — Но я нашла у входа снаряжение, разложенное человеком, который не паниковал. Я держала в руках верёвку, обрезанную не потёртостью, а чем-то острым. И я видела в шахте участки породы, которые не должны выглядеть так, как выглядят. Семнадцать спасателей искали тело за три дня по бюджету. Я могу позволить себе искать ответ без бюджета и без трёх дней.

Ковригин долго молчал, глядя на неё, и Марина увидела в его взгляде то самое выражение, которое видела уже не раз, — не согласие, но и не готовность спорить дальше с человеком, чьё упрямство давно перестало быть проблемой, а стало просто фактом её характера, с которым проще смириться, чем бороться. За три года совместной работы он усвоил простую вещь: спорить с Соколовой о цифрах бесполезно, если у неё уже есть цифры на руках, а спорить о характере — тем более, потому что характер не переспоришь.

— Ты понимаешь, что я не могу официально это разрешить, — сказал он наконец, тоном человека, ищущего компромисс между уставом и здравым смыслом. — Одиночное пребывание в горах поздней осенью, без связи, у объекта с историей несчастного случая. Если с тобой что-то случится, институт не сможет сказать, что послал тебя туда.

— Институт меня туда не посылал, — сказала Марина. — Институт отпустил меня в законный отпуск, и то, что я делаю в свой отпуск, — моё дело.

Что-то в этой формулировке заставило Ковригина невольно усмехнуться — коротко, устало, без веселья, но и без прежнего раздражения.

— Ты всегда находишь формулировку, после которой мне нечего возразить, — сказал он. — Хорошо. Три дня. Если через три дня ты не выйдешь на связь по рации, я сообщая в МЧС официально, что здесь ещё один человек без присмотра, и тогда вертолёт прилетит уже за тобой. Это понятно? Понятно, сказала она.

Он ушёл той же дорогой, не оглядываясь, шагом человека, сделавшего всё, что мог, и передавшего решение тому, кому оно по праву принадлежит... Практикант, шедший за ним, обернулся один раз, посмотрел на Марину с чем-то средним между восхищением и тревогой, и тоже ушел.

Марина осталась одна.

Дни пятый и шестой она провела методично, тем же способом, каким вела бы полноценное полевое исследование, только теперь без напарника, без расписания вертолёт и без чужих сроков, довлеющих над темпом работы.

Она перенесла палатку на тот самый карниз, где раньше стояла палатка Громова, не из сентиментальности, а потому что это было тактически лучшее место на склоне, то же самое, которое выбрал бы любой опытный человек в горах: обзор на подход, укрытие от ветра, близость к расщелине. Она заново расставила приборы, без спешки, следуя привычному методичному ритуалу, который в полевых условиях заменял ей утреннюю разминку. Анемометр установила на штативе у входа, а термошуп с длинным кабелем опустила в глубину, -насколько позволял провод. Независимо от времени суток, каждые три часа Марина проводила замеры, и заносила показания в блокнот. Воздушный поток оставался стабильным, она уже знала это, помнила по наблюдениям первого вечера, четыре дня назад. Но повторная методичная проверка была неотъемлемой частью работы, а не простой формальностью. Двенадцать секунд вдох, двенадцать выдох, тёплый воздух на выдохе, ощутимо холоднее на вдохе, -ритм, для которого метеорология не находила объяснения.

Между замерами она опять прошла вдоль расщелины - только теперь уже не спеша. Внимательно зарисовала каждую трещинку в породе, каждую деталь рельефа... Она фотографировала местность и сверяла свои наблюдения с архивными данными геологической службы, -эти данные она загрузила заранее, пока связь была еще доступна.

На исходе пятого дня резко похолодало, с той внезапностью, с какой горы иногда сбрасывают остатки лета в одну ночь, с востока натянуло низкую облачность, ветер сменился на северный - и к утру шестого дня иней покрыл камни курумника белёсой коркой, непривычно ранней даже для этой высоты... Марина, проверяя метеостанцию на телефоне, отметила похолодание почти машинально — около нуля ночью, с заморозком на открытых участках, и это была одна из тех деталей, что она фиксировала наравне с прочими данными, не додумывая её значения до конца.

Додумала она это значение вечером того же дня, когда, как обычно, поднесла термощуп к устью расщелины для очередного планового замера.

Плюс девятнадцать градусов Цельсия.

Она моргнула, посмотрела на прибор ещё раз, проверила калибровку — стандартная процедура для новичка, которую опытный полевой специалист выполняет на автомате, не задумываясь, просто потому что первая реакция на невозможное число — заподозрить прибор, а не реальность. Калибровка была в порядке. Прибор работал штатно, как работал последние два года экспедиций. . Марина села на камень рядом с расщелиной и сопоставила факты. Она сделала вывод : перед ней не аномалия измерения, а факт, который пока не находил объяснения.

Около нуля снаружи, зафиксированные метеостанцией меньше часа назад, — заморозок для конца августа на такой высоте случался, но был на границе обычного. Плюс девятнадцать из щели в скале, на глубине, которая, по всем данным прошлых экспедиций в подобных карстовых системах Северного Урала, не поднималась выше плюс шести-семи градусов даже в разгар лета. Стабильные плюс девятнадцать. При инее, покрывшем камни этой же ночью.

Это было невозможно. И именно поэтому она знала — теперь уже наверняка, — что не уедет отсюда через три дня, как обещала Ковригину, пока не поймёт, откуда берётся это тепло.

Глава 9. Первый урок

Кресло исследователя оказалось не креслом в привычном смысле, а формой, которая подстраивалась под тело в момент контакта, - Громов сел, поверхность под ним мягко просела, повторяя контур спины, бёдер, затылка, с точностью, которую не смог бы обеспечить ни один земной эргономический дизайн... Он помедлил секунду, оценивая ощущение с той же настороженностью, с какой оценивал бы незнакомое кресло в чужом кабинете, привычка проверять обстановку прежде, чем довериться ей... Зал исследовательского блока вокруг был тихим. Тише, чем медблок или зал регенерации, - будто само помещение было спроектировано для сосредоточенности, а не для активности... Ряды других кресел, похожих на то, в котором он сидел, уходили вдоль стен, тёмные, неактивные, ожидающие пользователей, которых не было уже восемьсот лет. Громов на секунду представил, как это место выглядело при полной нагрузке — десятки, а то и сотни исследователей, погружённых в тот же процесс, что предстоял ему, и отогнал эту мысль как непродуктивную... Сейчас имело значение только одно кресло.

— Готов, — сказал он вслух.

— Подтверди согласие, — ответил Архон.

— Устно, для протокола. Подключение к обучающему контуру, базовый уровень доступа, возможность прервать сессию в любой момент без последствий для здоровья.

— Подтверждаю.

Он ожидал чего-то ощутимого — укола, прикосновения электрода, физического контакта. Годы, проведённые за чтением статей о нейроинтерфейсах, прочно закрепили в сознании образ проводов и датчиков. Вместо этого по вискам прошла лёгкая прохлада, будто кто-то плеснул холодной водой на кожу, не касаясь её физически...

А потом началось чтение.

Не в смысле букв перед глазами, ничего подобного не появилось, экран остался тёмным, а кресло - креслом... Информация приходила сразу, целиком, минуя стадию слов, минуя даже стадию образов в привычном порядке: сначала общее ощущение факта, затем его детали, разворачивающиеся не последовательно, а одновременно, - как будто он всегда это знал и просто вспоминал, а не узнавал впервые...

Громов замер, оценивая ощущение с профессиональной методичностью, - не поддаваться, не тонуть в потоке, держать якорь собственного сознания на поверхности, и понял, на что это похоже, - на чтение книги со скоростью мысли, без необходимости произносить слова про себя, без задержки на распознавание символов... Информация просто становилась частью того, что он знал, с той же естественностью, - с какой становится частью памяти пережитое лично.

— Скорость подачи регулируется, — произнёс голос Архона, звучавший теперь иначе — не снаружи, а откуда-то из той же области, где разворачивалось знание, будто голос и информация делили один канал.

— Текущий темп — минимальный, ознакомительный. Сообщите, если требуется скорректировать.

— Продолжай, — сказал Громов. Или подумал — граница между произнесённым и подуманным в этом состоянии смазывалась, и он не был уверен, что двигал губами вообще.

Первый блок пришёл цельным массивом, и Громов, вопреки ожиданию захлебнуться в объёме, обнаружил, что разум раскладывает его так же, как раскладывал любое оперативное донесение, — по категориям, по приоритету, по степени проверяемости.

Раса, которую база называла Предтечами, достигла пика развития — не абстрактного, а конкретного, измеримого по шкале, которую Громов не мог перевести в привычные земные термины, но интуитивно понимал её масштаб: цивилизация, освоившая материю на уровне

отдельных атомов, энергию — на уровне звёзд, а к моменту, к которому относился блок знаний, начавшая осваивать нечто, для чего в информации не находилось прямого эквивалента человеческому пониманию, — переход за пределы биологической формы как таковой.

Наука Предтеч не была магией, замаскированной под технологию, — Громов ловил это ощущение остро, профессионально, потому что первым делом искал именно подмену, трюк, слишком удобное объяснение. Каждый принцип, приходивший в поток информации, опирался на логику, продолжающую земную физику, просто доведённую до пределов, которые человечество ещё не начинало нащупывать. Портал не был порталом в сказочном смысле, - это было управляемое искривление локальной геометрии пространства, требующее энергии в объёмах, которые Земля не производила и не производит суммарно. Регенерация в капсуле не была магическим исцелением, это было точное манипулирование клеточными процессами на уровне, для которого человеческая медицина ещё не изобрела даже приборов измерения.

Философия Предтеч пришла отдельным слоем, более сложным для восприятия, потому что не опиралась на измеримые величины. Раса, достигшая технологического пика, столкнулась не с внешним врагом и не с исчерпанием ресурсов — она столкнулась с вопросом, для которого не существовало технологического решения: что делать с существованием, когда любая физическая потребность удовлетворена, любая физическая угроза устранена, любая физическая граница преодолена.

Громов невольно примерил эту проблему на себя — не масштабом, конечно, а сутью. Он помнил собственную пустоту после отставки, тот же вопрос, только в куда более скромных декорациях: что делать, когда структура, вокруг которой строилась вся жизнь, исчезает, а взамен не предлагается ничего, кроме досуга. Предтечи столкнулись с той же проблемой в масштабе целой цивилизации, помноженной на бессмертие возможностей, и разведчик в нём отметил иронию — раса, решившая абсолютно все практические задачи, в итоге упёрлась в тот же вопрос, что и человек, лишившийся любимой работы.

Ответ, к которому Предтечи пришли коллективно — не по принуждению, не через раскол, а через процесс, который в информации обозначался термином, ближайшим человеческим эквивалентом которого было «согласие», — заключался в уходе. Не в смерти, не в исчезновении в привычном смысле, а в трансформации формы существования настолько глубокой, что физическое присутствие в известной части вселенной переставало иметь смысл...

Громов слушал — или воспринимал, других слов для этого процесса не находилось, — и профессиональная часть его сознания, та, что пятнадцать лет анализировала любую информацию через призму угрозы и выгоды, работала параллельно с потоком, задавая вопросы, которые он пока не озвучивал вслух.

Раса ушла добровольно. Хорошо. Но добровольный уход целой цивилизации не объяснял, зачем эта цивилизация оставила после себя военную инфраструктуру — сорок семь дронов, двенадцать оружейных башен, протоколы обороны периметра, систему консервации на случай атаки. Заветы уходящих философов не нуждаются в оборонном блоке.

— Стоп, — сказал он вслух, и поток немедленно замедлился, потом остановился, оставив в сознании ощущение оборванной на середине фразы мысли.

— Слушаю, — ответил Архон.

— Ты рассказываешь мне историю расы, которая мирно ушла, разрешив философский вопрос существования.

— Громов говорил медленно, взвешивая каждое слово с той же тщательностью, с какой формулировал бы вопрос на допросе, где собеседник мог соврать, а мог сказать правду, но в любом случае выбирал слова осторожно.

— Но база, в которой я сижу, оборудована для войны. Оборонный блок, дроны, орудия, протокол консервации на случай атаки. Мирные философы, уходящие через трансформацию бытия, не строят бункеры.

Пауза, последовавшая за этим, была длиннее обычной — не заминка обработки запроса, а та особая тишина, в которой, как Громов уже успел изучить за считанные дни общения, происходило что-то похожее на внутреннее взвешивание.

— Наблюдение точное, — сказал Архон наконец. — База не была построена исключительно как мирное завещание. Она была построена как хранилище знаний и как убежище на случай, если решение об уходе не будет уважено всеми заинтересованными сторонами.

— Заинтересованными сторонами, — повторил Громов.

— Кто ещё был заинтересован в решении Предтеч уйти или остаться?

— Информация об этом относится к разделу, ограниченному протоколом «Молчание» на текущем уровне доступа, — ответил Архон, и в тоне не было уклончивости, скорее — та же усталая честность, которую Громов уже отмечал раньше, когда собеседник упирался в границу дозволенного и признавал это прямо, не пытаясь замаскировать отказ под нейтральную формулировку.

— Ты уже говорил мне про Кворум, — сказал Громов. — Восемьсот три года назад они атаковали эту базу. Ты симитировал гибель, законсервировался. Это связано с тем, о чём ты сейчас не можешь рассказать?

— Связано, — подтвердил Архон без колебаний.

— Степень связи и детали относятся к заблокированному разделу.

Громов помолчал, разглядывая тёмный потолок над креслом исследователя, и попытался подойти к вопросу с другой стороны — тактика, отработанная на допросах, где прямой вопрос упирался в стену, а косвенный иногда проходил.

— Хорошо, — сказал он. — Не спрашиваю про детали Кворума. Спрашиваю про логику. Раса технологически превосходящая человечество на порядки решает уйти мирно. Зачем этому решению может понадобиться защита? От кого мирное решение нужно защищать, если оно не встречает сопротивления?

— Формулировка вопроса демонстрирует верное направление анализа, — сказал Архон, и это была самая близкая к похвале фраза, которую Громов от него слышал. — Отвечу в пределах текущего доступа: не каждое разумное существо во вселенной разделяло путь, который выбрали Предтечи. Не каждая раса считала трансформацию бытия правильным использованием накопленного знания и силы. Существовали те, для кого технологии Предтеч представляли не философский вопрос, а актив, который следовало захватить, а не оставить позади.

— Актив, — повторил Громов. — То есть кто-то хотел то, что Предтечи собирались оставить как наследие, но хотел получить это силой, а не заслужить.

— Точная формулировка, — подтвердил Архон.

Громов молчал несколько секунд, укладывая новую информацию в общую картину рядом с прежними фактами — привычным способом аналитика, для которого разрозненные донесения складывались в оперативную обстановку только тогда, когда каждый элемент занимал своё логическое место. Раса, достигшая мирного просветления, всё равно нуждалась в обороне. Значит, угроза была реальной, а не гипотетической. Значит, кто-то — Кворум или структура, стоящая за ним, — представлял опасность достаточно серьёзную, чтобы технологически превосходящая цивилизация сочла нужным строить бункеры и консервировать базы вместо того, чтобы просто уйти и не оглядываться.

— Продолжим блок, — сказал он вслух, — но помечу для себя: вопрос про Кворум я задам снова, когда сниму протокол «Молчание». А сейчас хочу понять базовую хронологию. Когда Предтечи построили эту базу относительно момента, когда они начали уходить.

— Разумный вопрос, — ответил Архон, и поток информации возобновился, на этот раз более узко сфокусированный, отвечая именно на заданное.

База была построена не в конце эпохи Предтеч, а значительно раньше — как часть сети, охватывавшей десятки подобных точек по всей известной им части галактики, каждая из кото-

рых служила и лабораторией, и хранилищем, и, при необходимости, укрытием. Процесс ухода занял не одно поколение, а нечто ближе к тысячелетиям — трансформация не была мгновенным решением, принятым и исполненным разом, - а долгим, растянутым процессом, в течение которого часть популяции уже трансформировалась, часть продолжала существовать в прежней физической форме, готовя тех, кто последует за ними позже.

Громов воспринимал это через ту же профессиональную сетку, что и всё остальное: не эмоционально, а структурно, выискивая закономерности, которые могли бы пригодиться позже... Тысячелетний процесс означал инфраструктуру, рассчитанную на длительную эксплуатацию, а не на однократное использование. Означал протоколы, продуманные с расчётом на смену поколений хранителей — или, в случае этой конкретной базы, на единственного хранителя, которым был сам Архон, оставшийся присматривать за домом после того, как все, кто мог бы разделить с ним эту обязанность, либо ушли, либо погибли.

Сколько Предтеч оставалось на этой базе к моменту атаки Кворума, — спросил он.

— Информация ограничена протоколом, — ответил Архон, — но могу подтвердить: к моменту атаки физическое присутствие Предтеч на данной базе было минимальным. Большая часть популяции уже завершила трансформацию к тому времени.

— То есть ты защищал пустой дом, — сказал Громов, не как вопрос.

Пауза. Не техническая.

— Формально — да, — сказал Архон. — По существу — нет.

Громов ждал продолжения, но его не последовало, и он не стал настаивать. Что-то в коротком, почти резком ответе подсказывало, что дальнейшее давление на эту тему упрётся не в протокол, а в нечто более личное для собеседника, чем разведчик в нём готов был прощупывать без необходимости прямо сейчас.

— Хорошо, — сказал он вместо этого.

— Вернёмся к базовому блоку. Хочу понять принципы работы технологий, и не только историю. Начни с энергетики — раз уж это моя текущая задача...

— Логичный приоритет, — подтвердил Архон, и поток информации сместился, потёк в новом направлении — термоядерные принципы, знакомые Громову по научно-популярным лекциям, которые он смотрел бессонными ночами после отставки, только доведённые здесь до уровня, для которого человеческая физика ещё не разработала терминологии.

Час или два — Громов не мог сказать точно, потому что субъективное время внутри потока информации текло иначе, чем снаружи, — он впитывал принципы работы реактора, законсервированного в Блоке Б, пытаясь удержать в памяти не только факты, но и логику, стоящую за ними, тем же способом, каким когда-то запоминал маршруты отхода: не зубря, а понимая структуру.

Где-то в середине этого блока он поймал себя на ощущении, слишком похожем на азарт, чтобы списать его на простую профессиональную включённость... Годы после отставки он провёл, изучая физику и геологию по учебникам. Учился урывками, между бессонными ночами и болью в спине, медленно, самостоятельно, без наставника, без структуры, без уверенности. Здесь, впервые за три года, знания поступали не по крупницам, а единым связным потоком. Но сейчас в этом ощущении проступило что-то знакомое — смутно напоминающее то самое счастье, которого он уже давно не ждал от собственной жизни...

Когда поток наконец остановился и прохлада у висков отступила, оставив после себя лёгкое, почти приятное ощущение усталости, - Громов открыл глаза и обнаружил, что зал вокруг выглядит ровно так же, как выглядел до начала сессии. Время снаружи прошло, судя по ощущениям, около двух часов. Внутри головы прошло нечто, для чего у него пока не было адекватного слова.

— Как ощущения? — спросил Архон, и в вопросе Громову послышалось нечто похожее на настоящий интерес, а не протокольную заботу о состоянии подопытного.

— Как будто прочитал энциклопедию и не забыл ни строчки, — сказал Громов, поднимаясь из кресла и разминая шею — привычка, а не необходимость, тело не затекло. — Но у меня всё ещё больше вопросов, чем ответов.

— Это ожидаемый результат первой сессии, — ответил Архон. — Объём заблокированной информации превышает объём доступной примерно в четыре раза на текущем уровне протокола.

Громов остановился посреди зала, обдумывая услышанное, и вернулся мыслью к тому, что царапало его на протяжении всего урока, — к вопросу, который он отложил, но не забыл.

— Архон, — сказал он, — сформулирую вывод и хочу, чтобы ты сказал, ошибаюсь я или нет, без ссылок на протокол. Просто скажи, логика верна или нет.

— Слушаю.

— Предтечи ушли, — сказал Громов медленно, взвешивая каждое слово, как взвешивал бы итоговый вывод перед докладом начальству, зная, что от точности формулировки зависит дальнейшее решение. — Ушли мирно, добровольно, оставив после себя знания как завещание для тех, кто окажется достоин. Но кто-то остался - кто-то, для кого эти знания — не завещание, а трофей, который стоит взять силой. И этот кто-то хочет то, что Предтечи оставили здесь. Иначе зачем была нужна защита базы? Зачем оборонный блок, дроны, орудия, протокол консервации? Завещание, составленное в мирных условиях, не требует дополнительной защиты. Защита нужна только тогда, когда кто-то снаружи точно знает, что придёт за содержимым.

Он замолчал, глядя в пространство перед собой, туда, где, по ощущениям, находился источник голоса.

Архон молчал дольше обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.